



№ 9 МАИ 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

13. «В ДАЛЕКИЕ, ДАЛЕКИЕ ВРЕМЕНА...»

(1902—1903)

«Экономисты» приспособлялись к отсталости масс. «Наср» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы.

В. И. ЛЕНИН

С начала апреля 1902 года Ленин в Лондоне. Встретивший его здесь Николай Алексеев приводит интересные автобиографические высказывания того периода.

«Больше, чем дом с открытыми окнами...»

Алексеев пишет, что Владимир Ильич объяснил ему точнее по приезде, что «прочеи исконным будут жить коммуна». Он же — «совершенно несложной тип в коммуна, не любит быть постоянно на людях».

Предвидя, что приезжающие из России и из-за границы товарищи будут по российской привычке, не считаясь с его временем, надеются ему, он просил, по возможности ограничить его — «от слишком частых посещения».

Нам вспоминает Алексеев, дорожа своим временем, Владимир Ильич не особенно добродил тех из приезжавших русских, которые с этим не считались, как, к примеру, ежедневно посещавший его «лейтенант (Линдов)».

«Что у нас праздники, что ни? — жаловался Владимир Ильич на это в «коммуне». Как-то, беседа с ним, Алексеев пошелся над одной статьей о близости социальной революции, написанной лондонской социал-демократической газетой «Демократ».

«А я надеюсь дойти до социалистической революции...» — решительно заявил Ленин, прибавив «несколько неизвестных шпигетов по адресу шпигетов...». Об авторе этой записки Владимир Ильич пишет осенью 1921 года в Организационное Бюро Центрального Комитета партии: «Очень рекомендуемую подателя, товарища Николая Александровича Далева...».

«Я знаю его с 1902 года», с Помойна, где вместе работали в «НС и Р»».

«Очень образованный марксист, большевик и замечательно добросовестный и исполнению своего долга товарищ».

Об «алексеевско-мартовской коммуны» Ленин, «вспомыная жизнь в Лондоне», рассказывает зимой 1904 года Сергею Гусеву:

«Нельзя жить в доме, где все одно и дворян никогда не затронуло, поэтому открыты на улицу и всякий проходящий считая нужным познакомиться, что вы делаете. Я бы с вами сошел, если бы пришлось. Это большевик, вроде той, что в 1902 году Мартов, Засулин и Алексеев организовали в Лондоне. Это большевик, вроде той, что мы с вами, это проходной двор. Чернышевский правильно заметил: у каждого есть уголок жизни, куда никто никогда не должен залезать и каждый должен иметь «особую комнату» только для себя одного».

Из книги В. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». Начало см. «Смена», 1966, № 21—24 и 1967, № 74—1—8.

За интеллигентскую безалаберность, царившую в неадаптированной лондонской «коммуне», Владимир Ильич шуточно прозвал ее «вертепом». Весной 1903 года, уехав из Лондона, он пишет о будущей меньшевизке Елене Александровне, носившей компартистскую кличку «Жюк».

«Вы просите не очень злитесь, Снаму Вам откровенно, что злитесь я мало, больше убавляясь, вспоминая свою последнюю беседу перед дверями «вертепа» с немцем Иманом, который находил тогда (тогда?), что мы слишком мало коммунам...».

«Вечером «коммуноидному» Ленин всегда противоставил колленинскую волю партии... В сентябре 1913 года он публикует в большинстве газетках Петербурга и Москвы ставко-меропро об английском социал-демократе Гарри Кинчле. Некоторое завершает строки об «Испир»:

«Тот кому назва русских (социал-)демократической газета должна была печататься в Лондоне. Англические (социал-)демократы с Кинчле во главе с полной готовностью предоставили свою типографию. Самому Кинчле пришлось для этого «потесниться»: ему отгорожили в ней в типографской дочертой перегородкой уголок вместо редакторской комнаты. В уголке помещался совсем маленький письменный стол с полной нигой над ним и стул. Когда пишущий эти строки посетил Кинчла в этом «редакторском кабинете», то для другого стула места у него не находилось...».

Помо Ленину вспоминает издание «Испира» в Лондоне, подготовленные и отредактированные им зарание номера печатаются в Германии. К социально, совсем не сохранились ленинская переписка с уже анонимным нам корректором газеты Варшавы Кожевникова. Она вспоминает, как встретился Владимиру Ильичу о всех своих затрунделах... И каждый день получала от него ответы «капустного», по пунктам, почти с наводкой лондонской почтой...».

Ответы были точны и ясны. За все время Владимиру Ильичу не оставил без ответа ни одного вопроса... Помнит его и «медий случай» с апрельским номером «Испира» 1902 года. После первые экземпляры Владимиру Ильичу, Кожевникова спрашивают, как он находит номер. Ленин отвечает:

«Номер прекрасен, видно, что корректор руку свою приложил. Вот только апреля там не пишет».

«Я всяквжалею, — вспоминает Кожевникова, — хватало номер, развезенный и что же вижу: на первой странице, в заголовке, крупными буквами написано: «Апреля». «Уж лучше см Владимир Ильич меня выругал, дурака я, он, похвалю себя за номер, когда я допустила такую крупную ошибку».

«Первое впечатление от Лондона.»

Первыми — пока еще резко отрицательными — впечатлениями от тогдашнего облика столицы Великобритании Ленин делится с Цехомовым и Александром 4 (17) и 5 (18) апреля 1902 года. «Впечатлениями от Лондона» провозглашает этот Лондон, на первый взгляд!!

(Первое впечатление от Лондона: гнусное. И дорожно все дорожно!)

Линч 10 (23) апреля Ленин посылает Александрову отрывки лондонских дорожных впечатлений.

«Вот Вам новый адрес (который просия бы очень не сообщать никому, даже из членов Лиги,

приме самых близких лиц. Если можно...» — постараюсь в и разговорах употребить систематически Мэрия вместо Лондона и монхлеция вместо Лондон».

М. Jacob Richter (Нойон)
30, Холфордсбер, Пентонвилл, Лондон. [За-пады в Берг].

Подобное впечатление на Владимира Ильича произвело приезде в него впечатление лондонские социальные контрасты. Крупная вспоминает, что, наблюдая «критичные контрасты богатства и нищеты, Ильич снова устал поворачивать».

«...омибусы», — рассказывает Надежда Константиновна, — мы видели омибусы, или могущий быть (возвращаясь), в своей характерной маске с подымаемым подбородком, железной рукой толкал перед собой неподвижные малюсенькие, очевидно, пойманного ворюшки, и целая толпа шла следом с гномом и свистом. Некая ехавшая на омибусе публицистка высказала мне и также стала гвалт на ворюшку».

«Есть-да», — сказал Владимир Ильич... Отсталый Ленин и хажившие прелюдисты английского мещанства».

«Боготолкающие массиде мещанства мы могли наблюдать в семье нашей квартирной хозяйки... вспоминает Надежда Константиновна».

«Малоразличительных формах этого заснега рассказывала не раз бывавший у Ленина в доме 30 по Холфорд-стрит русский эмигрант и английский социалист Федор Ротштейн. Запись его расказала сначала в 1912—1913 годах Иван Майский. Киреевская той поры Ротштейн назвал идеолом мелкой буржуазии и отчасти рабочей аристократии. Брат, врач, психолога людей этого района оставались сугубо меньшевиками. Семья миссис Ио, у которой Ленин снимал комнату была типичной представительницей Киреевская и состояла из матери Фан-Луан, дочери портняки и трех сыновей-типографчиков».

Однажды «воскресенье», вскоре после переезда Ленина на Холфорд-стрит, миссис Ио уводила из омибуса картину, которая ее потрясла: «мистер Рикстер» шел по улице с не завернутой в сумку бутылкой. Назавтра миссис Ио разъяснила Надежде Константиновне, что и их квартале не принято делать покупки в воскресенье. «Этим надо заниматься только в будни, а купленные продукты лучше обязательнонести замкнутому в «омибу»».

«Одну миссис Ио примечала, что в номерах Рикстера на омибух нет занавесок. Она их пыталась завесить. Надежда Константиновна, что в их квартале принято омибу занавешивать».

В близкие истории восприняла миссис Ио взрду отсталости на номера Рикстера ступ молотка... Ленин прибывал занавески. Миссис Ио охватила впечатлениями, что в омибух объявила Надежда Константиновна, что по воскресеньям стучать молотком «не подлагается».

«По совершенно случайно миссис Ио, что Надежда Константиновна не носит обручального кольца. Она сказала, что миссис Ио Рикстера из-за этого? Однако Рикстеры весьма авторитетно плавали. Миссис Ио Рикстера «читать» только в «омибу» квартирных Нансон, она умоляла: «Они иностранцы, кто знает, какой у них язык».

Поразило семью Ио и то, что, несмотря на очевидную изнуренность миссис Ио, в последние вечерам посещало много народу, «в телячьих пальто и с меховыми воротниками...».

«Еще больше меня удивляло, что подобно Борщизму ничего не ели и даже не пили, а только страстно спорили...».

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сери четвртый
Выходит раз в месяц
МАЙ 1967

1967

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ



1.

Я не стану обвинять вас,
Самитентов не идите,
Не о таких трюмных расказах,
Не о маленьком быте —
О трагической восторги речи,
О молчанье под пыткой.
Не хотел заглогом завлечь
Я толпу любознательных;
Просто я еще жил до войны,
До берлинской победы
И историю той старинки
Вам обзаны поведать.
О товарище нашем одном,
До сих пор не воспетом,
Чья фамилия в сейфе штабном
И портрет — под секретом.
Знать, еще продолжает он бой,
И, держась и воюя,
Отдает вам последнюю боль
Своего поцелуя.

Для чего в ваш веселый покой
Я ташу сочетание
Поцелуя и боли людской,
Громкой славы и тайной!
Момент, не про последний писать
Поцелуй, а про первый!
Но сейчас угроза опять
Бьет планету по нервам.
Если сбор трубком протрубят,
То тревоге навстречу
Выйдут вновь неизвестный солдат,

Безымянный разведчик.

2.

Берлинская тюрьма. Как трюм,
Сырые камеры угромы,
И, кажется, они пусты,
Но ядрю стальные цепи клацнут,
И узника народа матающий
Провисит из темноты.
И медленно, неторопливо
Лицо возникнет из каплява:
Рот, как бы стяннут узлом,
Глаза, ослеплые пощечиком,
Нацеленные в безразличье,
В пространство меж добром
и злом.
Копаясь тюремный лезет на лоб...
Жена родная не узнала б,
И в страхе откостилась мать.
Увидев этого арийца.
Кто он! Разбойник или убийца!
Как удалось его поймают!

Представьте:
Немец образцовый
И безупречный офицер
Квадрат секретной карты новой
Брал объективом на прищел!
Он в генеральном штабе свачен.
Какой скандал! Позор и жуль!
На карте был ведь обозначен
Особый плац...
Кто знал — забудь!
К столь важной тайне он причтен,
Что и тюремное начальство
Знать сути дела не должно.
Пытали тоном — беспомощно,
Пустили в дело прут железный,
А не дознались все равно.
Зачем он выкрал, что выкрал!
Молчит... Ни вздох, ни стои,
ни выкрик

Не выдадут его. Молчит.
Кому хотел продать он тайну!
Он и во сне молчит, случайно
Себя не выдает и в ночи.
Быть может, это жамда денег!
С кем связан этот шизофреник!
Зачем он к плану подходил!
Копалось чуть не все гестапо
И, наконец, искать устало —
Он, видно, действовал один.
Какая все-таки удача,
Что на пороге был он схвачен
И сразу отпел под замок.
И надо, чтобы гильотина
С размаху тайну поглотила,
Нацелясь в третий позвонок.

Генерал Ю. КОСМИНИНА

Отдать под суд! Но могут судьи
Добрыться до секретной сути.
Он будет без суда казнен.
Но волен испростить свидание —
Его последнее желанье
Обязан выполнить закон.
На тако-то легком пути и жертвочкой.
Об акуратности немецкой
Спокою веков недаром речь:
Сначала вылетит винту,
Потом на горло гильотину,
Чоб нарочно голову отсець.

3.

Памятью вновь возвращаюся
К тридцататым годам.
Сам удивляюся
Как выстоял в их урагане,
Но ироническим взглядом
Я их не отдаю,
Перед врагами
Не выставляю на поруганье.
Мир небывалый
Из хаоса стройки возник.
Нашею кривою
Написана его черновик.
Это оттуда
Потом уходишь в бой
Брани устои свои и закон:
Без колебаний
Закрывать амбразуру собой
И самолет на таран,
Коль иссклпи патроны.

...В этих далеких тридцатых
Шифровка в Москву
Вызван один молодой командир
Из Ташкента.
Красная площадь пред ним —
И первый раз киев!
Все достоверно и сказочно,
Как кинолента.

С ним говорит командира —
Большелобый латыш.
Острые ромбы на красных петлицах
Рядочком.
— В службе разведки
Пилотно не познотощи.
Вы ведь женаты,
У вас малолетняя дочка.
Наши разговоры
Понимаете сами, мужской и правой.
Дело смертельно опасное —
жить под секретом.
Если душа не лопит,
возвращайтесь домой.
Честное слово,
Никто не узнает об этом.

[Старший товарищ
С глазами балтийской волны,
Видно, напрасно дает это честное слово.
Лишь Революция наши сердца отдали,
Самы себя же именем судим сурово,
И период нелегко одиою,
Мы в вемном долгу.]
— Не сомневайтесь. Согласен. Суемо.

Смогу.

4.

Устал следить за узлопеленной тенью
Тюремный надзираетль сквозь глазок.
Охранника выводит из терпенья
То, что проклятый смертный спит, как бог.
Безумец страшный не прошел над бездной
И завтра будет без суда казнен.
Пока ж в обнимку с койкою железной,
Должно быть, смотрит свой последний сон.

А он — мой современник и ровесник.
Я в сон его посмею заглянуть,
Чоб через годы — запоздалый вестник —
Поведаст людям про героический путь
Разведчика с душой прямой и чистой,
Который, даже в облике чужом,
Потерянный за острым рубчиком,
Глубинно ощущая себя отчуждой.

Жесткая и сложная эпоха
Меж мировыми войнами была.
Не только с розой — и с чертополохом
Собирать пыльную обзана пчела.

...Во сне он видит Родину.
В ту пору
О Родине высокие слова
Не подступали близко к разговору
И намечались в образах едва.
Сегодня это странно нам, я знаю,
Но мы слышали эти слова тогда,
И широка страна моя родная
Казалось открывеннее в те года.

Да, это Родина в платочке красном,
В мужском перелицованном пальто
Склоняется над узником несчастным,
И кружится решеток решето.
А может быть, житейский этот образ
Но только Родина — ее жизнь платок.
Но горестную жизнь с улыбкой доброй
И на святую лось обречена.
Виднее все острее, все яснее
В том комсомольском стареньком платке.
О самом главном говорит он в нем
В безмятежном сне — на русском языке.
Прости меня! Судьбу я выбрал злою...
Приближался к прутьям скрищенным рядам,
В последний раз тебя я поцелую,
Тебе губным тайно передаю —
Ту, за которую со смертью рядом
Ходил пять лет, забыв родную речь,
Под невнятным спрятанным шарфом,
Чтоб Родину свою простило сердце,
Когда Москву предупредит удваста
О нападении, об ослепшем дне,
Пойду на плаку с ощущением счастья:
Исполнен долг...

Как жить хотелось мне!

5.

Не смей вспоминать! Как чужая повесть,
Пусть в памяти прежняя жизнь мелькает.
Тогда под стонками шел первый поезд.
То был девятый тридцать пятый год.
Нежданная встреча в аэроузелке.
Топило несло и кружило нас.
Тебя я ушел в костюме штатском
Впервые. Не знал, что в последний раз.

Сказали друг другу: — До встречи скорей,
Зачем... Неправильно... И ты закон.
О эти ничейные разговоры
Среди суматохи и толкотни.
Не знал я, не ведал, что ты обязан
Забить телефонные номера,
Не знал, что ты должен отнужить взор
Все то, чем дышал, все, чем жил вчера.
Штабистам выработана легенда,
Отныне твоя это будет жизнь.
Продуваны с точностью документа,
Запомни и данные ее дерзости.
Запомни, товарищ, ты не был русским,
Родился и вырос в краю чужом.
Забудь комсомол и свою натурку,
Твой орден в сохранности сбережешь.

Запомни — на ферме ты жил в Тироле,
Мечтал быть картографом с юных лет.
Забудь свою детдом, в этой южной доли
Для воспоминаний лазейки нет.

Запомни молитвы, Сунейкой немцем
Немецкие длинные выдет сын.
Забудь, как рубились вы с басмачами
В долине расплавленной Ферганы.

Запомни шифров твоих в точности,
Условных фраз нормативную суть.
Забудь золотые косички дочки,
Глаза своей первой любви забудь.

Легенда подписана командиром.
Не скоро вернется она домой,
Не скоро действительно легендарным
Героем ты станешь, товарищ мой.

6.

Моябят, молчалив средня точка.
Коррешор — шеренга одиночек.
Темп... Темп...
Темный камень замер.

Тольман где-то здесь, в одной из камер.
Легче
Если с ним в одном ряду —
В бой последний,
В смертную беду.

7.

Для разведчиков главное — связь.
Это азбука. Это основа.
Связь с Москвою оборвалась.
Мухомор осемьдесят тридцать восьмого.
Вдруг исчез, словно киулу во тьму
Той тревожной порою
Человек, приходящий к нему
Каждый месяц с московским паролем.

С передатчиком мучился он
По ночам, до рассвета.
Ставило ясно, что шифр изменен —
Позыные опять без света.
Он не знал, что погиб командарм,
Тот латыш синеглазый,
И занюхала беда проводка,
Не дослушав пофразы.
Что случилось! Москва далеко,
Все залупано в мире,
А его заподозрять легло —
В неважистном мундире.

Это он понимал обиде,
Не подлаживаясь общему.
Под двойною угрозою шеп
По опасной орбите.
Детский дом и тахентский капюшон
Так его воспитали:
Он обязан исполнить свой долг,
Остальное — детали.

Что ж, тогда улыбайся, майор,
Добрый немец,
рожденный в Тироле.

Не сфальшивил нигде до сих пор
Ты в смертельно рисковой роле.
Быть ты сплетавшим спирально жест,
Познал мелкий слухок
меж знакомых:
С экономкой своей Лизабет
в отношениях он мезанзинский.
Впрочем, это, конечно, пустяк,
Те, что сплетни лускают, не правы.
Молодой офицер, холостяк,
Разве может прожить без забавы!..

8.

Под танковыми траками хрустят,
Ломаются и рушатся границы.
Сдавая в плен полки своих солдат,
Пылают европейские столицы.
Счета законские растут,
Идет война — вторая мировая.

Разведчик наш, забытый на посту,
Ведет сраженья, планы узнавая.
Не в силах ни проверит, ни узнать,
Докладит ли до Центра донесения,
В свой час он шифрограммы оплет.

Пусть дома недоеврьет,
Пусть презревьет.
Да это ж пустяки в сравнении с тем,
Он ли разведка и сказать обязан
Про тайны бетонированных стаях,
Молчаливых под колюево стаях,
август.

Он предвещает схватку двух миров,
Он объясняет истинную цену
Новакиев фактов и договоров,
Как клятвопреступление и измену.
Но это — вывод... Он без фактов гол.
Нужны разведке факты! Их все больше:
Сегодня корпус танковый прошел
К границам немцев по дорогам Польши;
Похватывается баварский инженер
Рецептом облетенного диурала.
В штаб —
Планишеты карт СССР,
Духаверства — аж до самого Урала.

Наступит скоро строк первый год.
В который раз он ставит знак вопроса,
Что означает сверхсекретный код,
Упрятанный под ключикой «Барбаросса!»

9.

Наконец он узнал: «Барбаросса» — название ночи,
той, которая в году не бывает светлей и короче.
Но не будет в истории ночей темней и длиннее —
Больше тысяч суток скрапаться придется нам с нею.

Невеселая участь разведчика или правдича —
Знать заранее то, что должно или может случиться.

Долог путь узнавания.
Догаде, маячившей слабой,
Подтверждением навалом он
В секретных бумагах гештаба.
Как он в тайну проник
И какою разведка ценою
План, хранимый врагом
За стальной и бетонной стеною!
Как он в тайну проник!
Я сияжу вам, товарищ, честно,
Это мне неизвестно,
Почти никому не известно.
Я пытаюсь спросить
У седых генералов в отставке.
Улыбались они:
Не даются подобные справки.
Может, лет через сто
Это больше не будет секретом.
Вот тогда и узнаешь,
Тогда и расскажешь об этом.

10.

Разгадан «Барбаросса!» О мой бог!
Армее — кто б подумал — был дуллинком.
Он слычан был, не выйдя за порог,
Каким залем еще нужны улики!

Нужно хотел изменить сбить товар,
Не удалось узнать.
Ему же жук.
Гестапо, подлеца арестовав,
Прорваться слухам не дало наруку.
Он будет обезглавлен.
С ним укрет
До срока тайна слова «Барбаросса».
Одно лишь непонятно — смитый рот,
Молчанье на пытках и допросах.

Презренные, они поймут потом,
Кого пытали,
С кем имели дело,
Когда на Буге наведут понтон
И в крепость брест вернутся оголенные.
Когда у раненых полигтруюв,
Дедов колхозных,
Партизан юных
Не смогут стаять вырвать жалок слов...
Им те последние кровью в морды плюнуть.

Преступник, что под пыткою молчал,
Не расставаясь со своею тайной,
Личь на приказ тюремного врача
Ответа долгой гласною гортанной.
Легнется! А теперь не все равно ли!
Еще денечек — долгий иль короткий.
Выйт я врача в бутылки риванолой
С буваньями, в складках, копилочком на пробке.
Милор перед врачом разинуть пасть.
Легнется он готов лекарством тузлым.
Тут над жо было колпачку уласть.
Или он уже под войлочною туфлей.

Прожане не заметил, врач ушел.
В глазок увидели, как баделого,
Согнувшись, трогает рукою пол.
О, как ему жуко была бумага!
Не понял часовой, что колпачок
чужой.
Арестант меж пальцев стиснул.
Он о бумаге и мечтал не мог!
Теперь бы только передать запяски!

Холодный немком светится из тьмы
Отросший ябко — голова седая.
Он требует начальника тюрьмы:
Мне, смертнику, положено свиданье!
Он хочет видеть фрейлейн Лизабет,
Что в доме экономкой состояла.

Пускай последний принесет обед
И пива — ну хотя бы подболака.

Ах, немец остается сам собой —
Начальник даже улыбнулся криво:
Он откладывает завтра на убой.
А он вот напоследок просит пива!
Ну что ж, законы надо соблюдать,
Пусть уходящий к черту бога славит,
А эту фрейлейх выследила и взяла
Потом труда большого не составят.

II.

Берлинская ущербная луна
Торонуя по серебрила кровлюю.
Здесь узники в былые времена
Последние слова писали кровью.
От этой романтичной старина
В тюрьме осталась только гильотина.
И то к ней проводы поведены —
Ручной, наверно, силы не хватало.

А если надо экстренную весть
Послать в Москву перед дорогой вечной
И нет карандаша, и только есть
Кинжол букаш — оловянный атлетичный!
Тогда цепями кинжу рассади
И кровью напиши свою депешу.
Ведь все равно погубил впереди —
Ты будешь обезглавлен или повешен.
В беззастенчивом горестном конце пути,
Но пусть последнему поверят риску:
По вызову должная в тюрьму прийти
Товарищ Лизавет и взять записку.

12.

С преступником этот свет
Пропадает так красноречиво:
Ешь последний обед,
Пей последнее пиво.
Женщина принесла
Все, что ей привезли.
Что говорит, мила,
С чоплыми слез запламай!
Ей в темноте целится мрак
Душным коридором:
Будешь ты плавать скоро!

Камера для свиданий,
Как клетка, разделена —
Стальные толстые прутья
От пола до потолка.
Он — в полосатой куртке,
В траурном плаще — она.
Молча следя за ним,
Кованые курят пика.

Отпущено пять минут,
И смертника уведут.
Путье холодный ряд.
Твое лицо в окошке.
Оно чин говорит
Речи их пустяковыми.
Торещинник заскукал:
Наряд же, черт ли дарил,
Востил разговор с погодом,
О том, что скоро весна.
Когда во дворе квадратном
Ему не дождаться зари.
И той ночью гестапо
Схвачена будет она.

Четыре минуты.
Три.
Молчанье.
Тышина.

Ему не увидеть зари,
Схвачена будет она.
Кинжол, на часы смотри,
Осталась минута одна.
Ему не увидеть зари,
Схвачена будет она.

13.

Тридцать секунд до конца —
Сближаются между прутьев
Страдальческих два лица,
Глаза их мерцают ртутью.

Зрanchам отдав приказ,
И попят и глядят ешь.
Дай губы мне! В первый раз!
В последний — это вернее.
Фашисты! Пускай при них!
Прощенье превратя полюбейте.
К бесчеловичному рту приник
Печальная улыбка смертника.
Почувствовала, как он
Губами сгущил шарит,
Податливая вилочка
Кекой-то шершавый шарик,
Быть может, с вестью такой,
Что стоило жизни на плаху.
Держать его за шайку!
Не дотрнуть лицом! Не плакать!
Кричит надзираемый: Прочь!
Ключами бречна со злостью.

Уедат смертника в ночь,
Уедат ночную гостью.

В гестапо решили так:
Демонично отдадут повсюду,
Прощемят каждый шаг —
За него агент повсюду.
Схватят ель Подождите!
Сперва обноружият связки.

Безит она под дождем,
Кусаются брызги грязю.
Тупая волной из кино.
С чуждым прощаньем салюса!
Страшно! А еще равно,
Шагай средь людей — и смеяся.

[Кто ты! Потом! Потом
Все расскажу и медулю.
Вместе мы под Орлом
И под Берлином будем.
Мы в Мозбейт войдем
С дедушкой из разведки,
Пыльной степи рожденьем,
Грубые прутья клеткам...]

Сирой! Спешит! Бегит!
В этом твое братство.
Надо, чтобы враги
Сблились сейчас со следа.
Ты передель толкуют
Срочное донесение салюса!
Если завтра война,
Может быть, в нем спавшее.

Скрывшись за поворот,
Засекнет она фанерку
И наконец развернет
Макрон шершавый шарик.
И, задыхаясь, прочтет,
Что целится в нашу юность
Тысяча девятьсот
Сорок первый год.
Двадцать второе июня.

14.

Он пропал, не под секретом,
Дому предвещая светло.
Я не знала, дошла ли до Москвы
Им добытая дата.
Может быть, и дошла, но тогда
Было трудно поверить,
Что с таким вероломством беда
В наши вломится двери.
Если чин своей не достиг
Беззастенчиво разведчик,
Все равно кто поведет велики,
И перекрест, и вечен.
Невидимый он был! Все равно
В пору грома и молний,
Как в елке не замучаю кино,
Был гористом Безмолвным!

Нам грядущее смотрит в глаза,
О билон беспокояся,
Вот и допелся я был рассказать
Эту тростную повесть.
О товарище нашем одном,
До сих пор не вослетом,
Чья фамилия в сейфе штабном
И погнет — под секретом.
Знает, еще продолжает он бой,
И держась и воюю.
Отдает нам последнюю боль
Своего поцелуя.

ПЕРВЫЕ ОГОНЬКИ

Политический работник

Первая мавка в России была проведена в 1930 году в Варшаве. В следующем году рабочий праздник отметили трудящиеся петербургских предприятий. Вспомнил первые огоньки великого рабочего движения. Нагайкам, штыками обрушив царское правительство на устаканное майского стачки и демонстраций. Но движение росло и крепло.

В начале XX века в Женеве была издана и переправлена тайно в Россию брошюра «Пролетарский праздник», в которой рассказывалось о возникновении майского праздника и его значении для рабочего класса. Мы печатаем текст одного из рабочих, осужденного за участие в майской демонстрации. Оно помещено в приложениях к этой брошюре.

...Мы теперь омертвевши из списка живых и опасаясь, что на менее созательных рабочих полученных нами наказание произведет дурное впечатление, запугает их до некоторой степени. Я бы дорожил тем, что, чтобы опровергнуть эти не оправданные. Там, на воле, все представляется в более ужасном виде. На самом же деле все их наказания — сущие пустяки. Самое большее, что я их власти, — это то, что они могут отнять у нас жизнь. Вот если бы они могли отнять у наших убеждения, — это было бы действительно ужасно. У нас протест наших врагов имеется сильнейшее оружие это вера в правоту нашего дела, вера в близкую победу, вера, что на наши места встанут товарищи, более сильные духом, чем мы, вера в то, что с каждым днем число борцов за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдороге не останавливаются, доведут свое дело до конца и отдадут всю свою кровь до капли за наше дело. Я скажу вам, что за все время моего сидения в тюрьме ни раз мой не овладевала слабость, напротив, настроение все время ровнейшее. И только жалко, что не подучил образования, так как образованный человек может сделать гораздо больше, чем малоразвитый, а в чувстве за собой слабость в этом отношении. Я теперь совершенно убежден, что тюрьма не в состоянии сломаив наш характер, ни нам убеждения; она, напротив, закаляет человека, делает его более непримиримым — и я оговорю не по теории, а сил на себе испытавши все это. Я желаю об одном: что так мало могу быть нашим ровному делу — дать только одну жизнь!.

Да! Я теперь омертвевши из жизни! Но пока и моя останется хоть капля крови, во мне не умрет неудержимо-страстная стремление. Я не умру, утверждаю веру в нашу неизбежную победу над врагом. Да! Жизнь идет вперед. Она требует все больше и больше самоотверженности и стойкости у борцов за свободу. И мы пойдем ей навстречу, товарищи; мы отстояли ее все наши лучшие силы без остатка. Счастливы мы, что живем в такое славное время. Нам не приходится искать пути в беспросветном мраке, как приходило это делать людям, расчланивающим нам путь. Нам мучит сомнение, то ли дело мы делаем, которое нужно, необходимо для блага народа. Перед нами лежит широкая прямая дорога, в конце которой виден вход в более светлую жизнь. Правда, на этой дороге много препятствий, но мы помем нашу дорогу своей кровью и запалим рывками своими телами, и ничто уже не оставит победного шествия борцов за народное счастье и свободу. Да, счастливы мы, что не робеем сочетать последние, что имеем возможность отбросить свои слабые силы за дело и счастье всего человечества!

«Что еще сказать вам? У нас все еще души обильно своих товарищей по делу и веселью и счастьем счастья, больше успеха в их деле. Нравственная связь между нами никогда не порвется, хотя нас будут разделять громадные пространства. Крепко жму руки. Привет вам, смелые сердца!»

В МАШИНЕ ДВОЕ: ЭНТУЗИАСТ СКЕПТИК

Фото Виктора САККА

Парад всех

Это было в прошлом году в Москве.

Воскресные улицы загрохотала большая пестрая кавалькада машин — тех, что были, и тех, что стали. Впереди патриаршей распой трюки старина «Вепч» выпуска 1892 года. За ним, сдерживая моторы, почтительно приседая на тормозах, двигались обильная родня и потомство.



Здесь был «АМО», такой же алый, как те первые, что сверкнули новояской краской на параде 7 ноября 1924 года. Были иностранки тридцатых годов со сладкими именами и первые спорядельные «Форды». Были наши довоенные «Эмочки» и послевоенные «Победы», характерный рисунок которых с цельным кузовом и утопленными колесами теперь просмечивает в любой конструкции. Были новинки. Новинки и еще раз новинки.

Автомобиль в неисчислимых обличьях торжествовал и красовался на этом праздничном смотре.

Ничто как будто не напоминало о далекой буре, которую вывало рождение автомобиля. Когда Даймлер испытывал машины ночью, подался от гнева публики. Когда чревата конструкторов оспаривали право считаться автором автомобиля, а первых водителей осыпали мусором. Когда один уверял, что в автомобиле человечество нетряско покажит к счастью, а другие блись об акалах, что люди не променяют конька, «интеллигентное животное», на «безмозглую бензиновую тележку».

Что прошло, то прошло. И все-таки. Если не в праздник, то в будни вокруг автомобиля продолжают споры: добро ли он? Зло? Пили для разнотолков хватало.

«Труба и сверкая лаковыми крыльями»

Энтузиаст, бесспорно, есть что полагать на весм спора.

Автомобиль вывозит урожай. Он работает на лесозаготовках и

в открытых карьерах на добыче угля и руды. Они наступают на необжитые просторы Сибири и Дальнего Востока. С них начинаются новоострой страны. Они доставляют бедняку массовых грузов и уникальные громады — негабариты. На них в нашей стране перевозятся добрых три четверти грузов — почти 11 миллиардов тонн в год.

Автомобиль прогрессирует во всех странах. Если повести отсчет с черты 1950 года, окажется, что мировой выпуск машин с лизкой удвоился. Ежегодно с заводов мира выкатывается больше 21 миллиона новых машин, а общий их парк на земле приближается к 200 миллионов единиц. Еще немного, и в машинах, пожалуй, хватит мест для всего планетного населения — подумать только!

«Огнитесь, — скажет энтузиаст, — летят автомобили, и в них совершенно по Илфу с Петровым, летит новая жизнь, «труба и сверкая лаковыми крыльями». События, впечатления, чувства, мысли — в ней уплотнено и много всего для каждого. Наш современник за год проезжает больше, чем житель прошлого века за всю жизнь, а значит, больше успевает сделать, узнать, посмотреть, перечувствовать. Границы жизни полны развертываются».

Энтузиаст с полным правом может провозгласить латыш, доводы «за» далеко еще не исчерпаны.

Встречный счет

И если его речь займет, скажем, час, под колесами автомобилей на земле успеет умереть за это время 11 человек.

«Хорош транспорт, похожий на заряженное ружье!» — с этого и может начать возражения скептик.

Со времени своего появления автомобиль уже погубил 1 250 000 человек. Подсчеты, проведенные по поручению Всемирной организации здравоохранения, показали, что дождевые происшествия ежегодно уносят по 100 тысяч жизней. В итоге за первые три четверти века существования автомобиля составился круглый счет в 2 миллиона жертв.

Плюс миллионы пострадавших. Крупнейшие города мира сквывает настоящий транспортный кризис. В часм «пик» на являющих лаковых крыльях едва вытребуют 4—7 километров в час. Уличные заторы растягиваются на километры. Бензиновая гарь доводит до отравлений.

«Победа? — У скептика кривая



ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА



уменьша.— Над чем победа? Над коном и уютном городе? Над человеком, пристрастным к классикам, как затравленный заяц? Ничего себе достижение...»

Несколько уточнений

Если затравлен грешит многообразием, то светилым, со своей стороны, много недоговаривает.

Начнем с того, что автомобиль часто виноват без вины.

Было время, когда перед первыми (паровыми) автомобилями в Англии обязательно пускали мальчишек с флажками — предупреждать о чудесе. Дженнингсены отчасти авторизовали дорогу передовой технике, но, правду сказать, и техника по молодости лет шалила. Могла печной заслонкой пухнуть. Или в квартиру влетать.

С тех пор конструкция автомобиля достигла большого совершенства. Характерно, что техническая мысль больше бьется уже над тем, как обезопасить едущих не от случайной аварии, а в случае аварии. Одна из фирм даже специально занялась разработкой «безопасного автомобиля». Его особенности — привинные ремни, мягкая обивка, эластичное ружовое колесо и т. п. — говорят сами за себя.

Разумеется, по мелочам ту или другую модель можно еще доводить, отлаживать. Разумеется и то, что наше суждение приложимо лишь к честной автомобильной конструкции. Если в прошлом году фирме «Шевроле» пришлось отозвать из эксплуатации 400 тысяч автомобилей «сырых» машин, то в этом публичном скандале линий раз проявились уродство законов буржуазной науки. Они и заслужили суд.

А с принципиально-технической точки зрения остается все же сказать, что ресурсы автомобильной конструкции, почти исчерпаны:



Дальше конструкторы выступают в область курьезов. Появляются резы, которые на большой скорости заводят водителю похоронный марш, подсовывают карточки доброй старенькой мамы или зажимают на крыше транспарант: «Я превращаю, держите!»

Так же почти бесцельны конструкторы и перед лицом удивительной тесноты. Ну, вместо больших машин распространяются малолитражки. Даже микролитражки. Дальше что? Дальше, оказывается, пробуют, не зная ли на стоекках задрать машину на она.

Опять рядом с курьезом. Не хватать и садить дыбом.

Автомобиль, похоже, во имя «должности» выжимает из себя все.

Дальше. Надо учесть, что неприятность едет далеко не равномерно по всему пути следования машины. Они спускаются только на скромной площади городов и особенно в самых центрах. Не мудрено: по оценке кандидата технических наук О. К. Кудряцева, центры занимают в городах ориентировочно 3 процента площади и выделяют до 30 процентов движения.

Большой город — вот место, где авталагается проблема автомобиля.

Автомобиль и город: или — или

По высказываниям некоторых специалистов на Заваде, может показаться, что вопрос встает именно так.

Из-под пера американского инженера Джексона вышла книжка с ироничным названием «Жизнь и смерть волжских американских городов». Смерть подразумевается самая близкая. Чтобы избежать ее, автор призвал соотечественников



прогнать машину вон из города навсегда. Пуская на лимунных фермерах ввоз вояж.

Совершенно противоположный путь видит, например, другой американский инженер — Кору. Ему принадлежит проект фантастической (но цене тоже) перестройки Лос-Анжелоса, после которой город превратится в «стаканку» магистралей, утвержденных на высотных «стоянках» гаражей и конторных зданий. Это будет, собственно, уже и не город. Проектом предусмотрено, что люди будут приехать на работу за 200—300 миль.

Итак, город и автомобиль попали в США как будто на разные чаши весов.

Это убийственное расхождение возникло из одного просчета в автомобильной политике, который публикует И. Мафффорд назвал даже «роковой ошибкой».

В чем тут суть, становится ясно после ответа на полудетский на вид вопрос: автомобиль, а что, собственно, он такое? Кажется, ясно — «бензиновая тележка» той или иной ме-



ры удобства. В общем, транспорт. Однако в прошлом официальной пропаганды США случился такой злополучный день, когда объявила автомобиль му, что ли, фило-

«ГАЗ» В ПУТИ

Фото М. МУРАЗОВА



Кан делается автомобиль? Мастер участка Игорь Мочалов предлагает ознакомиться с производством с самого начала.

Мы идем и прессам, загоняющим детали для «Мален» и внедорожников. Какое, оказывается, мороза выдать, например, кабину для внедорожника. Брать последовательных операций, специальный металл, причем если он от нового поставщика, то изпринимает под прессом. Мастер наводит на гору забранованных рам внедорожника: пустивший бугорок на поверхности, при сборке он вообще упрется, но брак. В ОТК отношение строгое.

Прессы, отделение окраски, потом мы попадаем на сборку.

Параллельно стоит два конвейера. На одном «Мален», на другом внедорожники.

Круг конвейера. Отсюда машины выходят на площадку рядом. Скоро загоняют из мотора, и под колеса ляжет дорога.

О чем идет разговор у комсомольца второго сборочного цеха? О соревнованиях? О новостях с Московского автозавода? А может быть, о том, как человеку не хватает времени, когда он полон планов и замыслов?..





Сборка по операциям, некоторые узлы попадают сюда издалека: шины для «Волга» — из Ярославля, катушки — из Дзержинска, моторы — из Москвы.

Мастер рассказывает (о поставках, о новых станках для конвейера, о конструктивных особенностях «Чайки»), а я попутно присматриваюсь к тому, что происходит на конвейере. Любопытно. Вот сборщица захватила в горсть перчаточную подвеску, несколько шин. Ать, да! — колеса обуви. Теперь ее соседка ирепит ходовую часть к узлу, опрорутому в современном лодочной ладонь.

Дело расширяет маленькую мистификацию. Дело происходит на Германском автозаводе, это так. Только машины, которые выпускает участок Игоря Мочалова, — ирзуемые. Вездеходы — на байдарках от маранного фонарика. «Чайки», сходные с конвейера каждую минуту, ладельцы повезут за веревочкой. И все-таки уже конюг этих машин сгущается рой производственной спонности и проблем конструирования.

А конюг «взрослого» автомобиля?

С кем не бывало этого фокуса, когда лето и время грибов! За день насобираешься в лесу так, что кажется, заснешь, как утка. А стоит закрыть глаза — грибы, жавель, безотвечные мячат, как наваждение, и все тут.

Такой же «грибной» эффеит и от первой эскурсии по автозаводе. После длинных странствий по цехам — из ирпуса в ирпус, в окружении всечного огня и металла, разных головок и шумов — трудно заснуть. То будто проливаются напротив окон параллельные дверцы, капоты, крыльи, развешанные на крюках, как в мясных лавках, висят оторона. То видишь, на ленте приплываюет блестящая шуровная мелочь. То кажется, сам едешь вместе с полом, а машина стоит. Одно за другим, и в каждой картинке мерно железное течение.

Конвейеры!

Когда видишь подряд все, что несут на спине конвейера, порождает сложность автомобильного организма. В одной «Волге» примерно шесть с половиной тысяч деталей, и пять с половиной тысяч из них делается на месте, стелается с разных концов завода. Над настречу этому потоку, можно увидеть рождение любой детали. Вот, например, по наталугу: «поршень» цинкованного амортотатора. Штука эта в машине совсем не видна, только чувствуется по мягкому ходу на ухабах. Как она делается?

Старший инженер-технолог механосборки Юрий Богатов охотно взялся мне объяснить и пошел с одной из автоматических линий (здесь их 1 600).

Юрий рассказывал, показывал, я присматривался, как кусочек серого чугуна летит по шести станкам, как обрабатывают его резцы, сверла, зензоры, разветвители, ирпит мутная эмульсия и ликут шифовальные напави. Когда сияющий поршень прохлуд наконеч в прибор ОТК и подтвердил, что сработал с точностью до 20 микрон, мы оба взглянули на часы. Был час Поршнев, однако, своего стана.

Волнует масса разнообразного, тонкого труда, который впитывает в себя сборочный конвейер. Автостроение — отрасль небранная, она отовсюду собирает силы: из металлургии, химии, резания, сварки. И так же гитают его сливки мастер-

Сборка. Сводятся воедино детали, которых в одной «Волге» около шести с половиной тысяч.

Прежде чем воплотить новую модель в металле, ее лепят из пластилина.

ства. Главный инженер завода Федор Демьянович Чинчиков сообщил, что инициатива появлялись особо ответственные задания (по зарубежному, прессованому, инструментальной оснастке), их поручают горьковчанам.

На сборе пренды сыроеводство обивает старт. Вот со второго этажа, паря на распянутых дверцах, опускается головной узел «Волги». Круг по кондукторному конвейеру, и автоматическая лаза выносит машину на «последнюю прикрутку». Заправляется тормозная жидкость, вода, бензин, подмигивают лампы, пора! С собственной легкостью, вывеса из кабины ногу, приносящая вылетает стартер. И измученный раз будто в самом себе слышишь первый живой вздох мотора.

А следит находится вторая машина. Третий, Четвертый.

Течет «Волга».

Течут в соседних цехах грузовые — «ГАЗ-66», «ГАЗ-53», «ГАЗ-31» завод дает стране добрую треть легковых машин, почти шесть автобусов и значительную долю грузовой.

Течет мойкой труд десятков тысяч людей. Конвейер у всех направляется на сравнение с реюном. Он напоминает ту мушкетера, которую по старым мудростям нельзя воевать наперекор. Меньше людей, меньше техника, технология. Я видел сам на кондукторном конвейере, толь что все здания подевали вывозили на подъемнике, нередкую подал автомат. Его вывернула, а теперь наверхника и пустыню. Такие события, их тысячи, составляют свой поток потон технического прогресса, без которого невозможно производство современных моделей.

Если серийные машины рождалось совершенно на глазах, то с новыми моделями обстоит много иначе.

На заводе есть корпус — должно быть, он самый такий. В сумерках фасад светится изнутри, как целое, большое окно. За ним высятся многоэтажные конструкторы. Люди несутся по лестницам, стоят в раздумьи, чертят. У них интересно. Но священное действие идет при закрытых дверях. В скульптурную мастерскую несутся проекты будущих автомобилей в полный рост лежат на пластилине. И «экспонируются» в восприимчивости. Говорят, что первый инженер из узлов виртуозно-модельщики «гнут на конвейер». Гдет Кант.

Вопрут новое вежливый барьер недостаточности. Это появилось в обиходе нашей промышленности не так давно. Еще свежи на памяти времена, когда корреспондента на предприятия обязательно приглашали поспотворять, что новенького. Раз за третьим вопросом о «новомом» следовали фигуры усмачивающие. Это кинжал, конечно, в чужом репортерском сердце. Ну, а если считать, по-настоящему, то маленкий рефинансмент отдают большие и важные хозяйственные перемены.

Внутренней нужды в фирменных секретах у нас нет. Однако стране интересен успех и на внешнем рынке,

куда мы можем представлять теперь товар достаточно красивый — приятный линии, оригинальный, привлекательный. Чтобы оставаться хозяином его производства в условиях международной конкуренции, нужна патентная защита. А вот для получения патента обязательным условием ставится нераскрытие идей конструкции в процессе создания.

С прошлого года Советский Союз стал членом Международной патентной парижской конвенции. Промышленность страны успешно борется за выпуск изделий на уровне лучших мировых образцов. Все это является результатом наших больших достижений в научно-техническом прогрессе и с лихвой срывает мелкие пятачки в репортерском ремесле.

Итак, диагноз тут самый отточный.

Но вернемся к лилолину. Работа над новыми машинами идет на ГАЗе горючно. Теперь все на ГАЗе горючно о работе по выводе своей машины. Многогранника «Автозавод» писала, что «М-24» будет подарком и пятикласснику по окончании и пятикласснику по окончании. «Валюту» опытный образец прошел испытания и рекомендован к производству. Начальник цеха легковых автомобилей Маслянин Юрий специально остановил меня у неподвижного конвейера:

— Здесь победят «М-24». Платы призывали энергично поехать в производство, ведь для выпуска «М-24» нужно больше 22 тысяч новых видов инструментов. Начальник патентного отдела завода С. Г. Зислин писал, что машина готовится с большой тщательностью. В ряде узлов применены изобретения, на которые конструкторы получили авторские свидетельства. Патентная чистота деталей проявляется по всему описанию конструкции, поступающей почти из 30 стран. Словом, работа серьезная, а познать пока рано.

Следы «М-24» попадались всюду. Сая она — нигде.

В заводской музей приехали давнишние, здесь это обмолвлено. В общей дележитной, «классиной», что ли, типичной заводской вышуски,ному в именном пилителем принимать рабочую смену, данному, то залам, шулся Кладно Ничитинчу Шагазова, синоксолоусо, удивительную женщину, которая строила завод и прощала на пустырях у деревни Моноастиры 2 мая 1929 года закладывала первый камень. Как с завода, простроенного за 18 месяцев, победили первые «газники», потом «эмкин», а в деревне выросли гордый кварталы. Как теперь горючие автомобили конесет по дорогам, на гости движется на завод вслед за Демьяном Ведюком, называемого «папой» из молва «бетона».

Меня очень интересовало стучих бедного мне приходилось слышать и раньше. Но я не знал, как она родилась. Узнавается, поэт увидел панораму завода, «подразнилась» на элетро-тепло-центральной, на самую

крышу». А было это 35 лет назад...

Вспомнил вместе с секретарем комсомольской организации ТЭЦ Федором Марчиным мы тоже отравились наработать «на самую крышу», по битым лестницам, восходящим вонюру нотоло.

Нам всегда это бывает на теплоэнергетических, уши заглядывало существию эном, в полах выдасы сырых дронь и кругом мерещилось высшее напряжение. Не просто держать в уме лавину выработанного элетричества!

Скряпуная дверца вывала нас. Открылся весь ГАЗ, как есть. Сам завод если не от горизонта до горизонта, то во все стороны — до синей дымки. Горитерия площадью в 700 гектаров едва ли видна и в хрустальную осень. Знакомый цех сбрызнул «Волги» вился где-то там, справа и впереди. В противоположной стороне вставла тально механосборочный. Угадывались замысловатые, способные подвизаться путей, с которыми им еженовие аса сывает по потыщина с лишиной грузовых вагонов и вмондирован высылает готовую продукцию. Выпнутые приваживающие Нордусов, приые — проездом, пунитурь озеленение сходящих всеми глазами, все ландшафт, все соединилось в громадном целом. С палла завода смерделся его особенный, «индивидуальный» характер, задуманный в первую плитяную и вылепленный руками авторами, а восторгов виле Шарамова. Характер — иначе не скажешь.

Ведь тот «замил» горючий автоганг, потребовались создать сверхкомплексное производство, совместить под одной крышей практически целую отрасль промышленности. Так и стало.

Строители первых плитетон, отцы и деды нынешних деситинаксисной, воздены автоганг. Теперь вот выросли дети — новая саяма, и задачи тоже новые.

В годы именитой плитетонизации должны в полтора раза увеличить продолжат строить — с крышей ТЭЦ там и сям видны башенные краны. Одно по после постройки новые производства в заводской поезде автономно. Там, издеар ГАЗа вывел чемпионский моторный станок. Там, после пуска станок самостоятельным заводом прессформ и корробок перемены начались. Там, будет строятся завод здания перемы.

Примечательная новизна. И любознательно сравнить ее с тем, что было, когда зародилось автоганг. Тут много свободы, для проектировки, силовый и фильособики, побуждает к размышлению через отрицание. Решительнее эконоими разговор о выгодах спланационизации и копирования.

А сравнить романтизм, сияет мазорно, но перемелодию тоже болель, нетворения пути. Там трудом отцов в одном заводе, как в свечке, запечатлена была целая страсть, детям дано свое. Ветнуть воеда, «подразнилась» на семяна грозды.





софской платформой, базой истинно американского образа жизни.

Виделись — поехали. Владельца собственного автомобиля залюбовался все. Она кричала, что степеннейший американец — человек + автомобиль. Не выпускала баранки, но смотрит хрюкнув в автомобиль-кинотеатр. Не выключая зажигания, подкакуывает в автомобиль-баре. Не вылезая из седла, гоняет мяч на автомобиль-стадионе. Машина сопровождает его чуть ли не туда, куда царя пешком ходит.

Нет слов, грешно было бы шутить по поводу действительных заслуг и успехов США в опыте конструирования, производства и эксплуатации автомобиля. Но факт и то, что машину переругали.

Традиционная политика пошатнулась. Теперь те же официальные чины в США выступают за развитие массового общественного транспорта. Поворот оказался неизбежен, потому что и опыт и технические расчеты в разных странах безоговорочно доказали, что одним индивидуальными автомобилями в большом городе нельзя наладить нормальное сообщение, как нельзя додать горсть орехов на кушину с ушкин горлышком.

Нельзя, невозможно. Попробуйте, скажем, вообразить армаду в 900 тысяч машин рядом с ГУМом, ПУМом и «Детским миром». Абсурд. А ведь эти магазины Москвы ежедневно посещает именно 900 тысяч человек.

Словом, большой город немалыми без общественного транспорта, как, впрочем, немалыми и без автомобилей с его собственным местом.

Маршруты и маршруты

Автомобильную проблему на Западе, как мы видели, дополнительно накаляют социальные факторы. Напае страны и развитой городской сообщением с самого начала отдаля преимущество массовому общественному транспорту. Отечественные специалисты основательно изучили, когда выгоднее и удобнее метро, когда автобус, трамвай и т. д. Общественный транспорт перевозит в наших городах больше 30 миллиардов пассажиров ежегодно, и к 1970 году его клиентура больше чем удвоится.

В годы пятилетия появятся новые виды общественного транспорта. В новых городах это будет скоростной трамвай, в Москве, Сузуме,



Киеве, Сочи, Тбилиси намечается сооружение скоростных монорельсовых дорог.

А на эту базу опирается рост автомобильного парка.

Законодательно налаженное ведение хозяйства позволяет координировать труд разных отрядов транспорта. Однако никакой самый строгий план, никакая общественная система не могут автоматически «ликвидировать» внутренние проблемы техники, в том числе и те, которые вытекают из автомобилнаизации.

У них есть объективные, глобальные корни.

Компромиссы исчерпаны

Транспорт молод, а города старые. Их каменные, чугунные черты загляди уже столетиями складами, когда автомобиль только лискинул.



К этому времени градостроение вполне утвердилось в благоприятном для человека положении.

Подчеркнем: человеку, которого градостроители видели пешеходом. По его фигуре настраивали свою лиру и инженерия и эстетика. Улицы, проспекты, бульвары, площади, дворовые и архитектурные ансамбли. Вблизи пройти пешком, удобно полюбиться на бордюрных атлантов, подерживающих печенки застывшую музыку водоства.

Кому-кому, а нам в наследство достались великолепные по красоте и гармонии с человеком (человекопешеходом) образам градостроения, славные памятники русской культуры.

Все это так. Однако же справедливо и замечание известного советского архитектора А. К. Вукова о том, что «памятники хороши, когда в них не приходится жить». А города ведь живут в городах. Транспорт, автомобильный, по улицам рядом с пешеходами. И пешеходы стали попадать в больницы. Впрочем, будем справедливы: не только пешеходы, но и шоферы и пассажиры тоже. Улицы оказались тесны для техники. Там узко, там крутой поворот, там слишком в гору.

Помнится, в Галиции мне показали участок, на которой сдают экзамены водители первого класса. Что бы проехать там, и при полном безлюдье нужна цирковая ловкость. В городах началось множество частных перестроек — где немного теснились пешеходы, где транспорт. На градостроение легла печать компромисса, причем она отменяла не только работы по реконструкции, но и новое строительство. В служебном двум господам — ногам и колесам — потускнела золотая присяга зодчества на служение человеку.

Что сказать о результатах? Обойдись без реконструкции было просто невозможно, а компромиссность перестройки стала вызывать перекрестный огонь.

Пешеход обижается на запреты. Хотя другой раз и протор расширенных, выпрямленных улиц тоже ему не нужен. Километровые автослабы — какое любованье пешеходу! Да и где ныне из знакомых автослабов? Стащили за каменную барьеру.

Автомобилист тоже морщится. С его точки зрения, пешеходы все еще слишком много, а транспорту тесно. На красоте за рулем глядеть некогда и опять неудобно — мельтешат. Другое дело дорожные знаки! Хорошо бы их в человеческий рост: лопатой — «ремонтные работы»...

Кандидат технических наук Г. Богачкий в журнале «Строительство и архитектура» выразительно иллюстрирует безнадзорность дальнейших ставок на компромиссы. В

целом ряде украинских городов по принятым схемам развития транспорта даже к 1980 году скорость троллейбуса возрастает... на 1 километр в час, скорость трамвая не изменится, а скорость автобуса даже снизится. Хорошенькие перспективы! Совершенно справедливо поэтому и замечание автора: «Все наперед необходимость реконструирования путей для движения городского транспорта, особенно в новых городах и районах, полностью соответствующего характеру, объему и особенностям предоплаваемого по ним движения. Давно пора отказаться от принципа «приспособления» исторически сложившихся улиц для современного и тем более для будущего движения».

На этом месте, пожалуй, стоит прервать цитату, чтобы согласиться: действительно, пора.

Пятилетка

План пятилетней пятилетки вносит крупнейшие добавления ко всем счетам, связанным с автомобилем. Прежде всего резко увеличился их выпуск. 1965 год дал нам 618 400 машин, а легковых в том числе 201 200. К 1970 году производство поднимется до 1 360—1 510 тысяч автомобилей, из которых легковых будет 700—800 тысяч.

Рост темпов — это уже сигнал.

А между тем цифры заключают в себе и еще один важный знак. На годы пятилетия приходится черта, за которой выпуск легковых автомобилей превысит производство всех остальных.

Об этой черте у специалистов по автостроению принято помнить, она используется даже как измеритель для вычисления автомобильно развитости стран. Мера, конечно, достаточно условная. И все же в нашей практике легковые машины выйдут на первое место по логике ве-



щей, — специальными машинами экономика нацелена, и можно быть щедрее к массовому спросу населения.

Наши грузовики набрали силу. Они пользуются доброй репутацией и на родине и у покупателям десятков зарубежных стран. Пятилетка увеличивает их заказы. Грузооборот автотранспорта поднимется до 210

Не правды ли, «Запорожец» совершенно преобразился! Он похорошел в виду. Выросла мощность двигателя. Новый «Запорожец» с двумя пассажирами развивает скорость до 100 километров в час. Уютнее стало в салоне. Сиденья можно раскинуть для отдыха в дальнем проезде. Новорожденная машина, поступившая в серийное производство, несомненно, украсит собой советские легковые автомобили.



миллиардов тонн-километров, то есть вырастет почти в полтора раза. Продолжится концентрация техники в мощных автохозяйствах. В новой постановке будут преобладать специализированные машины, автопоезда, особо тяжелые и, наоборот, легкие грузовики. И благодаря нынешней силе колесных работ открывается простор для роста выпуска легковых машин.

К 1970 году у нас будет выходить ежегодно 75 тысяч «Волг», 350 тысяч «Москвичей», 150 тысяч «Запорожцев». Под конец пятилетки начнут действовать и завод в Тольятти, который сооружается в сотрудничестве с итальянским «ФИАТом» и рассчитан при работе на полную мощность на выпуск 600 тысяч машин в год.

Цифры пятилетки сигналист о большом приращении «колет» в самое близкое время.

И об очень большом — в перспективе.

В заданном в прошлом году сборнике «Проблемы городского транспорта» интересно затрагивается типология насыщения автомобилями нашей страны. Ожидается, например, что в расчете на тысячу жителей по времени будет: в Одессе — 163 машины, в Горьком — 153, в Москве — 150.

А теперь сравним: сейчас в Москве насчитывается 12 машин на тысячу жителей.

От злости дня к перспективе

Все это надо оценить еще и еще раз.

Пятилетка дает крупный толчок к автомобилизации страны, к расширению всей той производственной и инженерной сферы, которая связана с машинами.

Уже сейчас на автомобильном транспорте и в дорожном хозяйстве занято больше 5 миллионов чело-



век. В этом полку должно быстро прибывать. В очереди о социальном облике шофера в «Космической правде» В. Агравский верно подмечал, что рады людей этой профессии растут быстрее многих других.

Если вспомнить, кроме того, об отраслях производства, и обслуживающих машин, откроется широчайшая арена, на которой нужно много горячих рук и сердец. Мы не окажем дурной услуги нашему молодому читателю, если посоветуем прие-

хать к этому поприщу свои жизненные, рабочие планы.

Тост автомобилист делает злобой дни самые разные вопросы — от необходимости начать наконец обязательное изучение в школах правил уличного движения до пересмотра планов строительства бензоаппаратных станций, по нынешней ориентации, в РСФСР их и на конец пятилетки будет в 2,5 раза меньше, чем слалдут.

На одно из самых первых мест выдвигается и проблема автомобиля в городе. Принципиально градостроение уже «находит себя» в новых условиях. Его творческие концепции меняются и возвращаются на истинную стезю — к служению человеку, прежде всего ему. Подчеркнем: человеку, которого градостроение видит и пассажиром. Первотч касается всех градостроительских норм. Тут уместно закончить прерванное нами суждение Г. Богачко. «Универсальная в прошлом, улица,— говорит он,— путь для транспорта и пешеходов, место для размещения жилых домов, зданий и сооружений массового поселения, прогулок и отдыха населения, уже расчищается на ряд специализированных элементов».

Это жили микрорайоны, которые транспорт обтекает стороной, где вместо дорог зеленые пешеходные аллеи, спокойный мир, к которому и обращается «лицом» архи-

тектура,— не мешало бы ей бить здесь теплей, уютней. Это скорости магистрали, на которых дарт движение и эстетически работает перспектива — снажам, монументальны силует центра. Это сами деловые и торговые центры, где у архитектуры новос архаичского и новые средства выразительности. И это, наконец, производственные зоны с фабриками и заводами.



Для нашей темы в новых воззрениях особенно важно выделить один принцип: максимально полное разделение пешеходных и транспортных путей с тем, однако, чтобы человеку было удобно и пройти и проехать.

В прошлом году был утвержден генеральный план развития Ленинграда. По нему город выйдет к Балтике. С набережной Васильевского острова открывается великолепная панорама. К этому центру и месту гуляний ведут порознь и зеленые аллеи из ближних микрорайонов и магистрали скоростного транспорта. В районе приморской набережной предусматриваются стоянки для десятка с половиной тысяч автомобилей.

К сожалению, таких ярких, современных решений еще не слишком много. А очередь именно на том, чтобы скорее перенести новые мысли из научных трудов на ватман и строительные площадки, предостерегает скорый приток машин. Плановая экономика широко предоставляет нам такую возможность.

Любопытно взглянуть и дальше вперед. Несомненно, что движение — и все в большей мере автомобиль — преобразит когда-нибудь сами формы человеческого расселения.

Специалисты полагают, что в перспективе начнется постепенное рассредоточение городов. Техническому и общественному прогрессу до этого придется еще сказать немало всяких слов, но вполне вероятно, что именно развитие коммунальной определит лицо будущей цивилизации. Люди станут свободно селиться по лицу Земли, и это не помешает им легко вступать в трудовое, коллективное общение.

Бываем тесно!

А как же наши двое: эитуэнист и скептик? Не пора ли их вспомнить?

Сдается, что ход событий отзывается и на них. Эитуэнист мудреет, становится расчетливей. Скептику, который когда-то ворчал на машину со стороны, приходится на ней сидеть рядом с претензионцем. Похоже, скептика ждет и еще одно переменение.

С приближением машин уменьшаются их загруженность. Таллинский политехнический институт, научая, как люди используют свои машины, установил, что их загруженность ниже цифры 2. Близит, скептику едва хватает места придется выйти.

Чтобы собственной персоной занять одну из новых машин, обгоняющих с заводских конвейеров.





За всю вторую мировую войну ни на одном участке фронта фашисты не защищались с таким ожесточением, как в Берлине.

Длинн и тернист был путь Советской Армии до Берлина. Многомесячная битва под Москвой, оборонительные сражения в Одессе и Севастополе, Ленинград, Сталинград и Курская дуга — классические страницы военного искусства Великой Отечественной войны, испещренные миллионами имен советских героев.

Фашисты защищались в Берлине с отчаянием смертников. Несмотря на упорство врага, ударные группировки советских фронтов через девять дней наступления соединились в районе Потсдама.

В Потсдаме была взята имперская канцелярия и пал последний оплот гитлеризма — рейхстаг, на котором запыла красный флаг победы советского народа.

Фашистская армия капитулировала, и вскоре наступило девятое мая — День Победы, который мы празднуем в этом году двадцать третий раз.

Сергей БОРЗЕНКО,
Герой Советского Союза





Свои берлинские снимки комментирует бывший фотокорреспондент газеты «Комсомольская правда» Иван Михайлович Шагин:

— Когда туманным осенним утром 23 апреля наша «эмка» проследила мимо первой немецкой стрелин-указателя «Берлин», я вспомнил другую стрелку, только написанную на русской эмке. «На Берлин» — вывела солдатская рука уголем на кусе фанеры, прибитом к подмосковному километровому столбу. Тогда, в январе 42-го, я сфотографировал нацеленную на запад стрелку. И вот он, конечный пункт войны, под ногами...

Я восстанавливаю в памяти ту, последнюю неделю войны в Берлине по своим фотографиям. Вспоминаю огненный путь и рейхстагу, бой в районе центральной снотобойни, перерезкой двух улиц, на котором под огнем немцев лежали наши раненые... В те дни я старался снимать все подробности штурма Берлина — танковые атаки, штурмовые броски автоматчиков, слупица, уставших советских солдат на ступенях берлинских подъездов... Из-за савлетов домов удалось сделать первый снимок рейхстага.

Непривычно было видеть пушин, мимо спешивших дуга и землястреляли прямой наводкой. Из подвалов дома Гингера стремительно выскочили наши бойцы и короткими перебежками, прыжась в коридорах и рейхстагу. Грели орудию, стучали пулеметы, рвались гранаты. Твоилось что-то невообразимое. Я понимал, что эта моя схема — самая

главная. В визир фотоаппарата было видно, как бежали и падали на подступах к рейхстагу советские солдаты, плавали, не добравшись нескольких шагов до его стен. Снольных жмизней стоил каждый шаг штурма!

С большим трудом мне удалось пробраться на новинский пункт батальона капитана Неустрова, бойцы которого уже укрепились на первом этаже рейхстага. Фашисты отбивались, засев в подвале. Прыжась за развалинами, перебежки с места на место, я почти автоматическим снимал все вокруг и вдруг почувствовал, что что-то случилось. Наконец, пошел — тыщна! Немцы капитулировали! Это было так неожиданно, так непривычно, что я растерялся и не знал, что теперь делать... Снавалось огромное нервнонапряжение последних дней. Несколько часов не мог ничего снимать. А потом пошел уже почти амвирные кадры — вереницы пленных, белые флаги в окнах зданий, раскиста улицы...

Недалеко от рейхстага лицом молодой боец номвировала пленного немецкого генерала. Очень позиралось мне лицо параника. Сюсюно было в нем радости и гордости! У входа в рейхс-санцерию валялся огромный фашистский герб. Невомонно было не снять двоих солдат, внимательно рассматривающих его. В блокноте тогда записал: «Фашистский герб у ног победителей».



Самолет-призрак

В Москве мне не повезло: перенести лютов антиарктическую зиму, ни разу не чихнуть в шестидесятиградусные морозы и протрутиться в осенней восковой салянке, когда даже ночью синий столбик в термометре за окном не опускался ниже нуля. Правда, в ближайший вторник медицина обещала мне полное выздоровление, но в воскресенье утром я еще лежал с горчичниками на спине, лишенный возможности даже спуститься к почтовой ящику за газетами. Впрочем, газеты принес мне Толька Дычук. И хотя по прогнозу из Мирного он сразу же вернулся к себе в институт прогнозов, к своим картам ветров и циклонов, и в нашей возне с розовыми облаками не участвовал, я искренне обрадовался его приходу. Толька уютно сидел в кресле у окна и шуршал под гитару что-то из нас сочиняя.

— Нравится? — наконец спросил он.
— Что нравится? — не понял я.
— Что, что... Песня, конечно.
— Какая? — Я все еще не понимал его.
— Не слышал, значит, — вздохнул он. — Я так и думал. Придется повторить, я не гордый.

И он зашел протяжным говором, как безголовое «шансонье», на расстационаised с микрофоном. Кто знал тогда, какая завандная судьба ожидает это творение Дычука!

— Всадники ниоткуда — что это? Сон ли? Миф? Вдруг в онеидении чужд — завер безмолвием мир. И над ритмичным гудом... пульса моей Земли... всадники ниоткуда строем своим прошли... Полюбо, сонмет не новыи... Ствернь трагедии прост: Гамлет рщадет слова... вачный, нам мир, вопрос. Кто они? Люди? Боги?... Недалеко тает снег... Снова Земля в тревоге, и передышки нет...

Он сделал паузу и продолжал чуть-чуть мажорнее:

— Кто нам будет познат? Своим ли их понять? Поздно, приятель, поздно, не на него пенять... Только поверить трудно, Вглядись — опять вдали... всадники ниоткуда строем своим прошли...

Он вздохнул и посмотрел на меня в ожидании приговора.

— Ничего, — сказал я, — Поется. Только «откуда у хлопца испанская грусть»? Пессимизм отсюда! «Поздно, приятель, поздно» — переворачивай я его. — Не на кого пенять! А что, собственно, поздно? И на что пенять? Тебе льда жалко? Сними-ка лучше горчичники, уже не жгут.

Толька сордал с моей измученной спины уже высохшие горчичники и сказал:

— Мамду прочи, ит И в Арктике видели.

— Горчичники?

— Не смешно.

— Вероятно, страшно?

— Момент, и страшно. В Гренландии тоже лед срывает. Есть, телеграммы.

— Ну и что? Теплее будет.

— Если есть лед Земли? И в Арктике, и в Антарктике, и в горах, и в океанах?

— Тебе лучше знать — ты же климатолог. В Белом море будем сардинку ловить, а в Гренландии альпийских лосиди.

— В теории, — вздохнул Толька. — Кто может предсказать, что произойдет в действительности? Ничто. Да и не во льдах суть. Ты выступление Томпсона почитай. ТАСС его полностью передал.

Он ухватил на пачку газет, — Грудный дышка. Много крови испорчит, — прибавил он, — И не только нам. Истари, он и словечно никак использовал.

С пиджачи Лисоского: хоразен фром муэр.

— Всадники ниоткуда. А ведь это ты придумал, — вспомнил я.

— А кто развонкал?

Спецкор «Известий» Лисосский, возвращавшийся вместе с нами из Мирного, был автором статьи о розовых облаках, обобщившей всю мировую печать. Он так и назвал ее — «Всадники ниоткуда».

А название действительно придумал Толька. Это он записал, увидев их из окна самолета: «Всадники! БА-боги, всадники», «Откуда!» — спросил кто-то. «А я знаю! Ниоткуда». И тут же Лисосский повторил вслух: «Всадники ниоткуда. Неплохо заголовки для статьи».

Нам реактивный лайнер летел тогда с ледяного аэродрома Мирного и берегов Юниой Аффри.

В салоне находились возвращавшиеся с зимовки ученые и несколько газетных корреспондентов.

Говорили, конечно, о розовых облаках, но не всерьез, а с шутками, — словом, шаха обычная веселая како-познательность болтовня.

Розовые облака, вздохнула, нам бумеранг, появились неожиданно на облачной белой дорожке, подсканивая и зарываясь в нее, нам всадники

в новильной степи. Впрочем, сравнить их, конечно, можно было с чем угодно: форму свою они имели агглованно. Шесть или семь из них подились нам навстречу, растелись розовыми блинами, потемнели и обвили самолет непривычными багровым коконом. И чести нашего пилота, он не дрогнул, а продолжал вести самолет, как будто бы ничего не случилось: в кокоме так в ином!

В кабине наступила зловещая тишина. Все идли чего-то, оплсливо переглаживаясь и не рущаясь заговорить. Ирсный туман уже просрался сквозь стены. Как это происходило, никто не понимал. Казаясь, для него не было материальных препятствий или он сам был нематериальным, иллюзорным, существовавшим только в нашей воображении. Но вскоре он заполнил всю кабину, сплавил багровые затемнения отутли сидевших впереди и позади меня пассажиров. «Вы что-нибудь понимаете?» — спросил меня Лисоский, сидевший через проход от меня. «А вам не кажется, что это-то заглядывает вам в мозг, просматривает вас как масло?» — ответил я вопросом на вопрос.

Он помолчал, должно быть, соображая, не сошел ли я с ума от страха, потом проговорил, апинялся «И-нет, не кажется, а что?» «Просто туман, ничего не кажется», — сказал кто-то рядом. И мне не казалось. То, что происходило в самолете, ничуть не напоминало по ощущениям случившееся в снежоголе и в палатке. Тогда я чувствовал, будто это-то мне что-то просматривало, неощутливо прощупывало меня, словно подсчитывая и определяя порядок расположения частей в моем теле. Сейчас этого ощущения не было. Меня окружал просто разлитый в кабине туман, словно подраженный карминой воздуха, непрозрачный, как мутная вода в банке, не холодный и не теплый, не режущий глаза и не щемлющий ноздри — неощутимый. Он обтекал меня, собою не насылая нонин, я понемногу таял или выветривался. Сиоро стали видны руки, ошейник, обитая кресла и сидевшие рядом пассажиры. И услышал позади чей-то вопрос: «Иет, не засел, не знаю». Я тоже не знал, может быть, три, может быть, десять минут.

И тут мы увидели нечто еще более странное. Попробуйте прищуриться, сильно сжимая веки, и вам покажется, что предмет, на который вы смотрите, начинает двоиться: от него как бы отделился с ногтя и упирает куда-то в сторону. То же произошло и со всей обстановкой самолета, со

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ВРЕМЕНИ ПЛАЗМА»

ное. Помню, я и зачем спросил его, он не ответил. Он говорил только мне, а каими-то тревожащими его думами, сказал:

— Другой человек, мой друг, совершенно Другой.

— Вы о «всадниках?» — спросил я.

— По поводу привнеса. И у нас и на Западе, вот увидишь.

— А смененойровано было все по-другому, — прибавил он.

— Я не понял.

— Самолет?

— Не думаю. Самолет, наверное, сдидевогирал по-своему. И тем же способом. Сначала иллюзорно, потом вещественно — вся атомная структура в точности. А люди по-другому: только внешняя форма, оболочка, функция, паспорт, что делает пассажира? Сидит в кресле, смотрит в окно, берет борщ, инстинктивно инстинг. Даже ли воссоздавалась психическая жизнь человека во всей ее сложности. Да это и не нужно. Требуется только действующая модель самолета с живыми, действующими пассажирами. Впрочем, это только предположение.

— Зачем же было уничтожать эту модель?

— Зачем? Зачем уничтожать двойника? — спросил он в ответ. — Помните прошание моего близкого? Я до сих пор этого забыть не могу.

Он замолчал и перестал отвечать на вопросы. По тому выходе из ресторана, когда мы прошли мимо Лисовского, опустошенного по меньшей мере десятком иностранных корреспондентов, Зеров засмеялся и сказал:

— Обязательно сияет имя о «всадниках». А те подвезут и нам, и прилетит. Будет и коньячок, и юбка вороной, и всадники, смерть несущие... — все будит.

Все пригласили Зерова, мы съехали в точности. Я чуть по постели не подскочил, когда увидел его. Да мне высказали влюбленные развалины об Алесе и в Гималаях Диучи прочел мне перевод статьи адмирала Томпсона из американского журнала. Показали и терминологию полностью совпадавшую с адмиральной.

— Кто такто назвал их «всадниками», — писал адмирал, — и все же не попал в бляхочку. Это не просто всадник. Это Всадники из Алкокиллис — и танкому сравнению я прихочу не случайно. Вспомню слова пророка: «...и вот юныя беженныя, и на нем всадник, которому ювы свертны, и ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором. Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Американцы поймут, почему я прибегаю к терминологии черной, чем отстану военному морю. Я вынужден сделать это: слишком уж безобразно. Даже в Визиином он выразил сомнения, а ад следовал за ним, и дана ему власть над землей — утверждать мечом, и голодом, и мором.

Они видят, слышат и чувствуют

На совещание я пришел примерно за час до начала, чтобы проверить прентор, экран и звуки фильма демонстрироваться усе с дитирсом тен-

стом. В конференц-зале я нашел толпу Иру Фатеву, которую пролили в секретари особой комиссии по обалам. Менду проиня, именя познакоми, что эта Ира — робота, поинтит и везелина. Спроси у нее, что получиши, если считаи обяаннейший метод дасктором хлорострого каяя... — она сиянет. Спроси о четветром состоянии вещества — сиянет. Спроси о том, что такое топология, — тоже сиянет. Но я не спрашивал. Только погладе на нее, я сразу всему поверил.

Она была в темно-синем свитере с очень строгой, абстрактной ориентированной, с тугими пугками на голове и в чутке дымчатых очках без оправы — узких прямоугольных стельныхях. За ними, как и вскоре узнаю, спрятались умные, минималистичные глаза. Но тогда, когда я и ве глаз не увидел: Фатева даме не поддела голубую, она что то послала в большую черную бюсткетку.

— Я слышала.

— Не надвигайте, Анохин, и не стойте посреди комнаты, — сказала она, пренебрежу не смотря на меня, — я все знаю и все о вас знаю, поэтому можете не представляется. Сядете где-нибудь и подождите, пока я не закончу этого экспозе.

— Что такое экспозе? — спросил я.

— Не старайтесь показаться невежественным, чем вы есть на самом деле. А экспозе совещания вам знате, но обязательно. Вас туда не приглашали.

— Куда? — снова спросил я.

— В Совет Министров. Там вчера позависали ваш фильм.

— Я знал об этом, но промолчал. Прямоугольные стельныхи повернулись но мне, «Хорошо бы она меня очина», — пожал я.

Она сняла очка.

Теперь верю в теплоту, — сказала я.

Она подлилась, высокая и стройная.

— Вы смотрите на экран, Анохин, натиание экрана и регулятор звука? Все это уже сделано.

— Что такое топология? — спросил я.

Глаза без стельныхх испепляли меня не успели. Помонала, что участвовало в будущем совещании: оно яню не собирался опоздавать. Вторую собрался за четверть часа. Прематрибу не было. Только кино-набине-инструментальные звуки. «Зачем?» — спросил ты в ответ. Тогда погас свет, и на экране в голубом небе Антиарктин начал набухать малиновый нолосок.

Когда малиновый цветок прелетел моего двойника вместе со снегоходом, чей-то веселый басом воскликнул:

— Кто считает человека венцом мироздания, полюбите того.

Послышался смех. Тот же голос продолжал:

— Укажите нечто бесформенное, некоему-тобыщая система, чтобы она стала модель структуры более сложной, чем она была.

Кто же он? — спросил я.

— Когда он разбит, закончился, занемисся, я услышал.

— Никакая планка, да? А какие компоненты? Газ? Жидкость? Пенообразующее вещество?

— Вы так уверены, что это планка?

— Нет, я и не пытаюсь.

— Момент бытия, это плазма при низких температурах?

— Плазма — газ, что же ее удивляет?

— А магнитное поле?

— Создает нужные стельны.

— Ненсиэ, коллега. Почему разрозненный, эфемерный газ не распадается, не рассеивается под давлением этого поля? Оно же не бесформенное в том смысле, что не стремится изменить форму.

— А как, по-вашему, создаст магнитные поля обала межвременного газа?

— Области, в которых плазменная гипотеза. Значит, по-вашему, и самолет и человек прогори в газовой темноте и бутылке?

Вперед! Оплыв! Засмеялись.

— Почему? Почему? Почему?

— Чтобы признать возможность невероятного, мистични не требуется. Достаточно математички.

— Парадокс, Бэш?

— Фриша. Только математички затье действительный мир, Визиино. Большие делает.

— Интересно, кто же он делает?

— Ему не важно.

— А кто увидит? Геометрические фигуры, как угодно деформируемые без разрывов и складок. Задачи по курсу геометрии.

— А ты, простите, решиш задачу о составе звезды?

— Вы считаете ее массой?

— По этим цветным картинкам я не могу считать высказанные организмы.

Рисунок А. БАБАНОВОГО.

Г. НОВОЖИЛОВА.

всем тем, что было в поле нашего зрения. Я не смею, и я вполне отчетливо видел, а потом узнал, что это видели все... — как от нашей кабинки со всем ее содержанием начал отделяться ее дубликат с полом, окнами, креслами, и пассажирами, отделялся, поднялся на полметра и поплыл в сторону. Я увидел себя самого, Толму с гитарой, Лисовского, увидел, как Лисовский попытался схватить свое упавшее повторме и схватил только воздух, увидел уже не внутренность нашей кабинки, а ее наружную стеньку и то, как эта стенька прошла массивную действительную стеньку, как последовало за ней крыло, сползнувшее свистом насад гигантских теней самолетов, и как все это исчезло, словно испарилось в воздухе. И все-таки не исчезло, не испарилось. Мы бросались и оканчивали, а не уходили такой же самолет, летящий прямо, абсолютную тонкую, словно спириную, колючую, и я эти сосиски не иллюзорную, потому что означавшие растопленные асы Лисовский все-таки успел сделать символ, з на симикю этого, впоследствии дубликат нашего пайнера, снятый с десятиметрового расстояния.

И сожаление, то что произошло позже, нинто снять не успел: настолько быстро, почти молниеносно завершилось это воздушное представление. Вторую самолета-двойника возник, поблгорел, из багрового превратился в лиловый и распался. Ничего не осталось — ни самолета, ни человека. Помяну, на пилотской кабинке вышел наш шеф-пилот и робко спросил: «Мовет быти, кто-нибудь знает, не отозвался, шеф поиндрил, потом сказал с обидой для нас усевишкой: «Что же получается, товарищи ученые? Неожасимый феномен! Чудо? Чудо-то ведь не бывает». «Этих былет», — ответил кто-то. Все засмеялись. Тогда спросил Лисовский: «Мовет быти, товарищи Зерова обсактивна? — я не бою и не деформирую, а?» — буркнул в ответ Зеров. «Значит, так и написати?» — слышал я тогда. «Так и написати», — отвелся Зеров и замолчал.

Загорели он со мной об этом после посадки в Карачи, когда нам обоим удалось пробиться сквозь толпу встречавших самолет журналистов: оказавшись на радиостанции, в пути послан рядокому о происшествии. Пока газетчики с фото- и киноаппаратами атаковали новочуду самолета, мы Зеровым незаметно проскользили в ресторанный буфет и с наслаждением заказали прохладитель-

Н. ДМИТРИЕВА
Фото М. МУРАЗОВА



СТУПЕНИ ВЪЗ ВШНЯ

Даже мама смеялась. Мама той худенькой большеглазой девушки, вокруг которой все хохотали. А она всерьезно и озабоченно. Да ей, конечно, было приятно, что труд товарищей по съёмкам «Кавказской пленницы» не пропал даром, что режиссер Гайдай снова поставил веселую комедию и вот все зрители смеются. Но...

Наташа Варлей — исполнительница роли героини фильма — сидела и не могла смеяться, упрямко подсчитывая эти «но». Она критически взглядылась в «пленницу», которая воезла с дядей, лазала по горам, спасала Шуркина, вчалась в автомобиле и беззаботно разглагольствовала о балках медведя, которые трутся спиной с земную ось. Столько хотелось исправить, переделать! Было найти не по себе и, в общем, обидно оттого, что теперь современница и зрительница «двойник» Наташи Варлей стала чудной, самостоятельной и беззащитно ушла и зрителям, не спрашивая





- На арене цирка.
- Наташа Варлей в фильме «Вий».
- Режиссер А. Л. Гутушко и Н. Варлей — исполнительница роли Панночки.
- В перерыве между репетициями.

больше, какой ей быть. Это закон кинематографа, который по-настоящему могут почувствовать и познать только те, кто начал сниматься в кино.

Судьба молодой артистки цирка Наташи Варлей принесла ей в начале творческого пути столько сюрпризов, сколько их может обрушиться на голову одного человека разве в приключенческом фильме.

Ведь еще год назад Наташа хохотала до слез на комедии Гайдая «Операция «Ы». Тогда Шурик ловко заворачивал туника Фео до в обман: бабушка собралась сторожить склад, а в это время Бывалый, Трус и Вал-Бес готовили набег на промышленный магазин.

Если говорить честно, Наташе и без комедии из экранов в тот вечер было весело. Только что их — выпускника циркового училища — поздравили с успешным окончанием учебы. Наташа хотя и не думала специально, но просто знала, что устроится, что в этот вечер в каждом цирке страны зашигуются теплые и для нее

огни. Они вспыхивают над аренами — яркие и разноцветные, скользят по куполом и по жаждущим чужд глазами зрителей. Казалось, самое трудное — учеба, экзамены — позади, и путь впереди прост, ясен, светел и чист.

Еще ночевая жизнь циркового артиста манит смелыми впечатлениями, гордостью, программой, зрителем и коллегой по арене. Еще хрупкая балерина в голубой с блестящими паче не поднималась под брезентовый купол старого Волгоградского цирка. Это будет позже, осенью. И суховей будут свистеть восточные ветра, и молоденькая девушка, бледная от напряжения, взволнованная, будет упорно раскачиваться на трапезии и репетировать, тренироваться, чтобы стать настоящим мастером. И в руках гимнастки окажется инерционно, потом филигранно, потом наставьять. Потому что номер музыкальный.

На первых репетициях в старом Волгоградском цирке — теперь там уже построили новый — Наташа пачкала от страха наверху,

под свист осенних ветров, стараясь сбалансировать, удержаться и еще весело или хотя бы слядливо играть на инструментах.

Постоянный титмелый труд и первые невзгоды на гастролках не приглушили той любви к цирку, которая возникла у Наташи Варлей с того раза, как она впервые увидела цирковую арену, которая и привала ее в цирковое училище, где участвует не просто энтузиасты своего ремесла — фанатики, преданные ему помыслы.

Когда Наташа очутилась на гастролках в Одессе, ее пригласили из мимостудии сняться в эпизодической роли медсестры в фильме «Формула радости». Здесь ее назвали «гонцы» Гайдая, разсыпавшие артистку на роль героини в фильме «Наказанная пленница».

— У меня возникло тогда двойственное чувство, — вспоминает Наташа. — Было очень заманчиво играть вместе со знаменитой труппой, видеть их работу. Но в Одессе хотя бы на время уходить из цирка...

Потом были съемки, где

исе для Наташи ново, и только под конец она «раскопалась», стала чувствовать себя свободно, как на балансе под куполом цирка.

Человеку становится интереснее жить, когда он предвкушает в себе инерцию — удобное состояние жить, «как вчера», по привычке. Для двадцатилетней артистки Наташи Варлей роль в фильме «Наказанная пленница» была испытанием ее артистического умения ориентироваться в новых условиях. Это в ее характере. Это то, что сделало ее цирковой артисткой и инерно другим. Она поднималась на трапезии под ненадежным брезентовым куполом, чтобы убедить себя, что не трустит. Уговорилась разрешить ей саму мыслить, в бурную раму за Шуриком, а потом лемала с температурой и благодарно слушала Юрия Никулина, которого порешила прийти и ней, и он адекватно рассказывал Наташе анекдоты. Оба они убеждены теперь, что смех — лучшее лекарство, потому что Наташа снова поправалась.

Одница она сорвалась с горы и упала в сет ш-

повинна. Сначала Наташа рассмеялась: она представляла себе всю комичность ситуации, — она уже начала мыслить кинематографически образами. Только потом пришел страх, и Наташа увидела свои руки и ноги — все в глубоких ссадинах. Это будни артистки кино и цирка.

Закончились съемки. Наташа снова в Москве и снова — на «Мосфильме». Бледная, с горющими глазами, роняла Панночка поднималась из гроба и идет, вытучив руки, по черным, зовут Хому... Снимается фильм «Вий». Роль Панночки оказалась Наташе интересной, потому что она совсем другого плана, чем «пленница».

Снова пленки. И онманданье в каком цирке нумен «воздушный номер». Каждый день репетиции на арене цирка. Съемки в панночке «Мосфильма», встречи со зрителями, которые только что смеялись до слез на «Наказанной пленнице». Это хорошо, что, когда все смеются, в зале слыла молода артистка, которая думала о своих «нов».





Анатолий ГОЛУБЕВ,
специальный
корреспондент
«Смена»

Прогнозы ценою в грош

Сначала победитель подсчитывает трофеи. Затем, когда проходит угар борьбы и опьянение победой, он начинает задумываться над тем, какой ценой он достался, или бы в грядущей битве не выронить из рук олимпийскую славу боевое знамя.

Короткие хоккейные межсезоны — кажется, уже сейчас слышны судейские свистки трехмерного турнира в Гренобле, где будет разыгрываться европейское, мировое и олимпийское золото, — оставляет слишком мало времени на раздумья. А раздумья бывают разные. Одни спортивные руководители сетуют на неудачи. Превозносят свои успехи другие... Третьи... А третьи смотрят в иордан: «Что такое хоккей второй половины двадцатого века?»

Передо мной лежит гора вырезок — газетных, журнальных... Из них можно было бы составить хоккейную энциклопедию. Но это еще далеко не все, что piled up в этом зимнем сезоне в хоккейной сборной Советского Союза. И тренеры... И журналисты... И болельщиками...

Да, венский чемпионат отличался неожиданным замесом, который обычно свойствен только болельщикам. На этот раз чувство профессионального хладнокровия изменило даже журналистам. Забыв о собственных

разумных советах, — команда должна быть в своей лучшей форме и моменту главного боя, — они строили прогнозы практически на лезье — на случайных побдах и не менее случайных поражениях.

Учитывая чрезмерно возбужденное состояние журналистского корпуса чемпионата, руководители пресс-центра уже на третий день турнира предложили журналистам высказать свои соображения о возможных победителях всех трех подгрупп. Забегая вперед, скажу, что ни один из 25 аккредитованных журналистов, фоторепортеров и кинооператоров из 28 стран не смог правильно угадать призерской группы «А». Многие с пунктуальной точностью определили шансы участников двух низших подгрупп. Но Фаворитов — никто. И это касается команд, которые, казалось, журналисты знают назубок: от любимого приза до любимого слова любого игрока.

Вот они, эти журналистские листы, заполненные торжливым почерком в перерывах между периодами матча. В нижней трое — команда Чехословакии. В большинстве анкет на первом месте идет Канада. Чуть реже — СССР. Иногда «СССР» лихорадочно зачеркнуто и неуверенно выведено: «Канада».

Анкету журналист из Чехословакии можно угадать безошибочно — они без тени сомнения верили в победу своей сборной. И потому, наверное,

так особенно горько было для них поражение любимцев...

Шведы более скромно ставили свою команду на треть-четвертое место и, как известно, имели все основания быть удовлетворенными успехом своей команды.

Итак, несмотря на все прогнозы, шесть первых мест СССР, Швеция, Канада, Чехословакия, США и Финляндия. В этом турнире шестое место не менее важно, чем, скажем, третье, поскольку в Праге через два года чемпионат будет проходить по новой системе — шесть лучших команд будут встречаться друг с другом дважды. Несмотря на крушение всевырогнозов, я решил сделать еще один прогноз: в ринд ли в истории современного хоккея появится национальная команда, которая сможет повторить триумфальный успех сборной из Ярославля.

Пятикратный подряд — есть пятикратный И независимо от того, как

торой турнир. Они не учили особенностей австрийского спортивного климата. И действительно, что пережить австрийцам, когда их команда играет во второй подгруппе! И то без особого успеха. Билеты стоят дорого. Не лучше ли сесть в машину, чтобы через два-три часа оказаться высоко в горах — наблюдать за игрой с сверкающим девственным снегом! обнаруживаются следы конек Сомеса. Вечером основатели национальной хартийной галереи, в зале, где висит полотно старинных голландцев и фламандцев. Четыре века назад нидерландцы в музеем в ГТ. Бриелл-Старший или бы предвидел возможность этой встречи через века в австрийской столице и в своем полотно писал зал хоккей шестнадцатого века. Это — старинное изображение по черной глади льда с кривыми палками наперевес. В водных ностомичках. На фоне не высоких снежных бортов.

Но нидерландский прадедушка со

слюжится судьба будущих турнирных подиумов, советские хоккеисты пока остаются чемпионами века.

Плюс двенадцать дней

Вена осталась равнодушной и хной. О нем говорили лишь в гостиницах, где жили туристы, приехавшие на чемпионат. В клубе «Штадтхалле» чаще звучала чешская, шведская, английская и русская речь. Четыреста советских туристов регулярно занимали свои места на трибуне перед экраном телевизионных камер, превращая ее в наглядный учебник географии СССР: «Шаблу для Ярославля», «Мы из Одессы», «Золото для Алма-Аты»...

А за окнами ледяного стадиона дождя, то снег. Погода спорные напоминая зимнюю ленинградскую, чем весеннюю венскую. И, разбуженный на лег, который передавал в Москву первый репортажи, а с недоумением слушая его бойкий голос: «Сомачка, слышите меня? Я дитую... Вена пожелсенному холоду и жарденя. Она была на лице тумелья и холодная хлопья снега».

Стоит ли осуждать Австрию за ее равнодушие и хонкею? Осуждать имперую горнолыжного спорта за равнодушие и стую хоккейных конючей? Скорее в этом надо винить организа-

временного хоккей момент не огорчаться, что он намется сегодня старомодный. Старомодным выглядит и название хоккейных клубов и шаблы, но собравшись сто лет назад на этот хоккейный чемпионат, старомодным намется сейчас и советский хоккей двадцатилетней давности. И признается чемпионом прошлогогоднего любянского турнира, а в музеем в ГТ. Бриелл-Старший...

...В малом зале «Штадтхалле» зритель почти нег. И признается чемпионом прошлогогоднего любянского турнира, а в музеем в ГТ. Бриелл-Старший... Зритель почти нег. И признается чемпионом прошлогогоднего любянского турнира, а в музеем в ГТ. Бриелл-Старший... Зритель почти нег. И признается чемпионом прошлогогоднего любянского турнира, а в музеем в ГТ. Бриелл-Старший...

Говорят, команда без формы — полкоманда. Но хотя наши ребята одеты сейчас в разношерстные ностомы, чувствуется, что это команда и команда настоящая.

Правда, у некоторых присутствующих в зале свой тонч зрения. Катающийся в центре поля тренер Анатолий Владимирович Тарасов немедленно поворачивает на ребят:

— Что слысите? Где же ваше русское ухастрот? Сущенный Вячеслав Старшинов, и которому обращены слова, разводит

руками. Это он «сплоскал» перед столкновением телом своего соперника Александра Рагулина.

Хорошо тренеру говорить — «ухраство». Но тело дама замаленого бойца есть только человеческое тело. И каждый удар не проходит безболезненно. Сколько их еще будет в турнире? Стоишь сейчас играть в политику силуэт Стюта... И все конхисты понимают это.

Будет Борис Майоров снимать с Александра Альметова тяжелый вездолзатель, а с грузом надежда на себя и вновь бросается в игру. Правое воплощение принципа «тяжелого в учении — легко в бою».

При нападении сильным хоккеистом, когда гонимый удар шайбой подобен выстрелу, мой сосед, шведский игрок, болезненно морщится. Слово шайбы полагает в него, а не в борт. А может быть, он представляет себе матч русско-шведский, когда танке удары будут лететь в его парней?

которые ездят играть куда-то в Европу».

Признаться, такое отношение в Канаде к своей сборной тогда меня даже шокировало. И при случае я попытался высказать у спортивного журналиста причину столь пренебрежительного отношения.

Канада — национальная команда! Идея создания ее, может быть, и стоящая. Но почти неуспешная. Намедни игрок дернулся за своих партнеров. Им наплевать на чемпионат мира. Бывающих нужного игроком. Эта также игула почти невозможна. Да и сами игроки — оптимисты, сильно ориентированы на будущее национальную сборную, надо отбывать игроков со всей страны, посещать их в одном месте, по руководству одного тренера года три-четыре. Непочетный край работы.

Депрессивное явление постоянных чемпионатов канадских хоккеистов, чехам и шведам подогревало

создания национальной сборной, которая вернет Канаде славу непобедимых.

Такое отношение, несомненно, помогло сохранить команду и заложить основу успеха 1968 года, когда канадцы выиграли Турнир столетия в Виннипеге. И хотя болельщики уравнивали системы своих ребят, мало признавая, что предпосылки по-прежнему отдавались русским. Многие савроамериканские специалисты утверждали, что русские легко смогут выиграть кубок Стэнли — высший трофей профессиональной лиги, — если в течение трех сезонов контролируют выступления профессионалов.

Вот почему проект создания национальной сборной был очень важным и затронул многие моральные и финансовые стороны жизни страны.

Канадский спортивный журналист Джим Колеман заявил в Вене:

«Именно в нем поставлен на карту команду ни цента, если она не выиг-

ступила перелом в пользу советской сборной, кто-то из канадских журналистов с тревогой в голосе сказал: «Будь моя воля, я бы остановил игру. Боюсь, что дальнейшее нас не обрадует».

Что же заставило его думать так?

„Aby bylo veselo“

Если бы меня спросили, что нового внес венский чемпионат в спортивную историю мирового хоккея, я бы ответил одним словом, прибегнув к помощи греческого языка: «арете». С греческого оно переводится как «превосходство», «совершенство», «высшая степень» чего-то. Этих словом древние греки пытались точно выразить те общие черты, родившие их современников с богами, которых они сами же создавали по своему подобию. И в представлении греков понятие



За стальной стеной зала стоят авторы, которые усматривают только что закончившие тренировки американцы. Прила и онлайна, надежда на себя и вновь бросается в игру. Правое воплощение принципа «тяжелого в учении — легко в бою».

При нападении сильным хоккеистом, когда гонимый удар шайбой подобен выстрелу, мой сосед, шведский игрок, болезненно морщится. Слово шайбы полагает в него, а не в борт. А может быть, он представляет себе матч русско-шведский, когда танке удары будут лететь в его парней?

Возвращение блудного сына

Это было в Канаде в 1964 году. Перед стартом мюнхенского этапа велогонки святого Валентина я долго и обстоятельно разговаривал с одним канадцем о спортивных делах его страны. Был он не в пример большинству канадцев прекрасно осведомлен о многих последних тенденциях канадской спортивной жизни. Но когда я спросил его о национальной сборной команде по хоккею, он только развел руками: «А что это такое — национальная сборная? Ах, это те парни,

постоянный интерес и созданию появилось мучного хоккейного колледжа. Рядовой канадец нет-нет да и вспоминает год, когда легендарный лис безраздельно господствовал на голубом льду».

Канадцы впервые «вошли в игру» в Антверпене в 1920 году, разгромив 15:0 чехов и 12:1 шведов. Эта победа и послужила во многом тем ирациональным камнем, на котором в последующие годы базировалась легенда о «непобедимых канадских парнях». Во второй мировой войны канадцы только дважды уступили высший титул. В 1933 году в Праге их «наказали» американцы. В 1936 году в Гармиш-Партенкирхене английская команда с помощью завербованных канадцев выиграла у незавербованных. В 1924 году канадская команда забила своим соперникам 110 шайб, пропустив в свои ворота только 3. В Вене балканские хоккеисты играли хуже — 28:15.

После второй мировой войны Европа сызвала Канаде «Кваитти» Канадцы признают чемпионат за чемпионом. С выходом советских хоккеистов на мировую арену геогемия прочно переходит и сборной СССР.

Весьма поучительная трансформация канадского общественного мнения. Канадская публика, которую раньше весьма устаревал принцип «любован — увидим, которая всегда синтетически отослилась и дальним перспективам, вдруг весьма благосклонно приняла план латера Бауара. Долголетний план

рает хоккейный турнир на зимних Олимпийских играх 1968 года. Мне будет совершенно наплевать на результаты, которые достигнут нашей сборной, если она не вернет славу сильнейшей в ближайшие годы.

Да, сегодня Канада имеет в своем составе мощные, привлекательные игроки, хорошо знакомые с европейским хоккеем, заинтересованные в выступлениях на международной арене.

И то, что они не выиграли в Вене, вина не их. Проект советской сборной оказался сильнее.

Она была несостоятельным основным «догод» канадцев на венском льду — защита с Брюером (а не Брюером, как почему-то писали в нашей прессе) и Буонассом во главе. Не помогло и то, что впервые в истории канадского хоккея команда с осени находилась вместе. Было отработано взаимодействие всех линий. Тренер канадцев Манкюд в этом сезоне оставил амплу игрового тренера, и канадцы теперь уже не относятся и нему как к «одному из парней», а считают его «боссом». И босс сосредоточил все силы на тренерской работе.

И на фоне этой серьезной многоплановой подготовки канадской сборной и венского турнира победа наших ребят приобретает особое значение.

Первый период матча СССР — Канада показал, что игроки с мировыми именами на груди никогда не были так близки к победе. Они играли великолепно. И когда во второй периоде на-

Современный хоккей. Каждую секунду каждый игрок в действии, на каком бы квадратном метре площадки он ни находился.



— Я, как журналист (он работает в газете «Виннигер трибуна»), могу сказать, что эта тройка русских нападающих великолена. Любой нападчий профессиональный клуб был бы рад иметь ее в своем составе. Что же касается моих личных симпатий, я бы добился и в этой тройке еще Вячеслава Старшинова. Мне было очень трудно играть именно против него. Парой наших «встачек» на льду носили несколько резкий характер. Но ведь мы мужчины, и мы получали от его слезы радости после победы над нами.

И говорю о VIP венского льда, мне хотелось рассказать еще об одном разговоре, который состоялся в кафе отеля в четыре часа утра, в ночь после торжества закрытия чемпионата. Огорченный поражением своих ребят Дзуррида однажды говорил о наших: Пашут, Моначенко, том, кто тогда этим плох.— Дзуррида сделал паузу, подбирая слова.— А намайый турнир мы проигралоно пропустили не больше одного-двух шайб в игру. Надежно играт. Хотн никто не хвалит его. Почему?

У него нет школы,— отвечает на вопрос партнер Сухи.— А вратарь он — дай бог всем.—

И Сухи был прав. Да, Виктор Коновалов отнятый вратарь. Человек без нервов. Что стоит только его поведении после победного заключения того матча, когда он в радостной суматохе на льду падает от одного товарища по команде к другому и, мило шепелявя, бурчал:

— Поехали в раздевалку. Что тут делать? Что тут делать? Поехали в раздевалку!

Да, в игре его не чувствуется высокой вратарской школы. Но в этом же вина Виктора. Ее просто пока нет в нашем хоккее. И это надо признать с горечью. И хочется сказать, как минимум, скорее слова Сухи «нет школы» утратили свою справедливость.

Персональные карты статистиков... Они почти никогда не стоят спокойно на полках. Они вечно в движении, вечно обновляются. Таковы законы спорта. И спортсмены — люди особые. Не вырывают из среды других людей, но вынуждают переживать. Им, как никому, приходится переживать слова «старость». Слышатся самим: слова: «уходя от нас...» и читать «нерпологично»: «они были сильными и славными бойцами». Им, как немногим, доводится самим взглянуть в глаза: прошлой ночью — до конца своих дней переживая они содеянное в спорте. Они могут как бы со стороны взглянуть свое место в его истории. Часто поклад спорт удовлетвореными, они чаще, спустя годы, помнят, что это можно, нужно было прожить иначе... и как важно, как хочется, чтобы с каждым годом становилось все меньше людей, соприкоснувших к годам, прожитых без полной отдачей и полного удовлетворения! Но это лирическое отступление не относится к нашему триумфатору. Сколько бы лет ни прошло, оно всегда будет с полным правом считаться, что сделали все возможное и даже больше...

Закон преферанса

К счастью, широко популярный в прошлом лозунг «все рекорды советским спортсменам и все золото советскому спорту» превратился ныне в то, чем он должен быть: целью, к которой советский спорт обязан стремиться.

Но ведь долгие годы этот лозунг был руководством к действию, тем простуютовым кодексом, которое указывало любое спортивное достижение. И если оно не соответствовало его размерам, горе было тренеру, руководителю команды и самим спортсменам.

Там, в изнурительной многолетней погоне за медальным золотом во многих видах спорта, на мой взгляд, было потеряно золото зрительского внимания спортивных организаторов. Вспыхнул был необычно повышенный интерес к спорту, вызванный Олимпийскими играми в Огюно. В 1983 году наполнил собой стихийный газовый фонтан, и которому вначале перестало поступать горючее. Невиданный анимазон вонзуг футбольного матча с газальцами только на неделю поднимался в огонь. После выступления французской сборной на внутреннем чемпионате резко упал. То же самое произошло и после розыгрыша Кубка Мюллера в Англии.

К счастью, сия злая чаша миновала советский хоккей. С каждым годом зрительский интерес к нему все возрастает. Уже немало специалистов готовы с нарастающим рвением доказывать сверхжизненность хоккея в нашей стране.— Постройте двести дворцов спорта в разных городах, — играют

круглый год, и на ваш футбол никто не будет ходить».

Стратегия перестройки. И страшно она своей крайностью. Но, очевидно, сейчас самое время парализовать о спорте, о хоккее, о хоккее. И именно сейчас, когда сердце каждого болельщика разбито еще большей радостью за репут, пять раз подряд показавших себе миру свое превосходство, именно сейчас, когда хочется поднятия истинные мероприятия организаторов.

Еще в Исибурке, сидя на трибуне Ледного стадиона после решающего матча олимпийского турнира, игроки наши спортсмены сделали свой вывод: «Сейчас мы выжили в нескольких шагах к вершине хоккейного Олимпа». Терри Смит, спортивный обозреватель из Канады, тоже выразил личесчески заметил:

«Вот вы видите, как пенсионеры свое дело сделали. Ее игроки — подлинные герои. Но хотел бы я знать, что будет дальше? Гол в 5 минут».

Как показало время, Россия заняла восьмое место, чем и в Исибурке,— получила золотые медали. Тем же она занималась в Люблне. Тем же и в Вене».

Но, а если в Гренобле кому-нибудь из соперников удастся остановить победную марш советской сборной? Что будет тогда? Что надо сделать, чтобы этого не случилось?

Путей несколько... Думаю, вот уже несколько лет хоккеистам не хватало. Первая проблема выражается сборную. Надаого нет хватать. Вторая — однодневный состав сильную команду в Сноу-Вэлли, заменила ее молодежь. Но эксперимент оказался неудачным. В течение семи лет американцы так не смогли опровергнуть победы сборной. Только в этом году команда США показала настолько зрелую игру, которая позволила им наконец заявить о воссождении великоленой династии.

С каждым годом конкуренция, естественно, будет возрастать, как будет развиваться сам хоккей, как будут давать гарантии от повторения того, что произошло в Сноу-Вэлли. Единственным выходом из этого футбольного урона — останавившаяся стигматом. Возможно, придется менять совершенствоваться не только в игре, но и стиль игры, тактическое мышление.

Способна ли это сделать нынешняя сборная, как говорится, на ходу, за счет пополнения олимпийской команды? Или следует в недрах нашей хоккейной школы создать новую сборную с устойчивыми составом и, экспериментировать в течение нескольких лет, обстреливая в международных турнирах разного калибра?

Последний путь всегда привел к временным спускам с вершины хоккейного Олимпа. Потому что команда, не завершенная в олимпийском турнире, практически не может ныне выиграть турнир, как бы она ни была хорошо подготовлена дома. Степень хоккейной зрелости участников большой петиции настолько высока, что никакой задор, талант не смогут устоять перед теми же качествами, помноженными еще и на опыт.

Но прежде чем принять решение о том, какими путем идти, чтобы и вперед обеспечить себе все шансы на победы турнире, необходимо ответить на некоторые психологические вопросы. Как воспринмет общественное возмущение, проигравшей сборной? Хватит ли у нашей прессмы и спортивной общественности и механизма пережить процесс становления команды?

Что будет с командой, если она закончит «в шаб» чемпионат? Кто уступит в Гренобле золото сильнейшей сборной?

Хватит ли у тех ребят, которые пять раз подряд нупались в лучах неслыханной славы, ирицизма, иицизма, моральных сил, чтобы победить на следующем году?

Проиграть? Победить... Это ведь не так просто. Знания полноты информации является тяжелой нагрузкой слоного коллектива и игрокам. Игроком, отказывающ себе многого, отдающ трудную, хотя и интересную жизнь. И далеко не из всех игроков, которые плачущаясь месяцами труда, а смеясь за несколько мгновений долгожданной славы.

В преферансе есть один неписаный законный принцип: «Победил — потерял партнеров». В хоккее он действует совсем наоборот. Чем больше партнеров, тем ожесточеннее становится партнерство. Больше усилий, трудностей, чтобы победить юнгов.

«Выигрывать намайый раз...» А если хочешь выигрывать, раз выигрывать, выигрывать в два раза быстрее. И тогда тебе надо отстранить нижние соперники...»

Фото И. КОЗЛОВСКОГО, Б. СВЕТЛАНОВА И О. ШАЛАМОВА.

Одиноким человеком в толпе... Фоторепортер снял его в очереди перед одним из многочисленных молочков для безработных в Лос-Анжелесе. Сейчас отгороются двери, и эта толпа обездоленных, ожесточившихся людей хлынет в помещение Армии спасения.

Ночлежка Армии спасения — последняя ступенька социальной лестницы. Дальше падать некуда. Здесь дно. Тот, кто достиг его, уже никогда не поднимется вверх, никогда не получит работы, никогда не вернется в семью, никогда не станет снова полноправным членом общества.

Я не знаю, сколько таких людей в Лос-Анжелесе. Но я знаю, сколько их в Нью-Йорке. Я бывал в нью-йоркских ночлежках на печально знаменитой Бауэри. Я беседовал с администраторами Армии спасения. Мне сказали, что в Нью-Йорке свыше семидесяти тысяч человек, не имеющих ни работы, ни крова. Семьдесят тысяч...

Их часто находят мертвыми в парках, в подъездах домов, под мостами. Полиция даже не может определить их имен. Безымянными они отправляются в путь на остров Харт, что расположен в океане в нескольких милях от Нью-Йорка. Там находится тюрьма и огромное кладбище безымянных.

Два раза в неделю к острову Харт приходит из Нью-Йорка паром, на палубе которого стоит до двухсот грубо сколоченных гробов. Арестанты опускают гробы в глубочайшие траншеи и ставят на общей могиле камень с порядковым номером. Командант кладбища сказал мне, что первый такой камень был поставлен здесь свыше ста лет назад. С тех пор на острове Харт похоронено более миллиона людей без имени.

...Одиноким человеком в толпе в от-



ИМЕНИТЫЕ И БЕЗЫ



чаянии закрыл руками лицо. О чем он думает сейчас! О миске бесплатной похлебки, которую он получит в ночлежке! О могильном камне, на котором не будет ни имени, ни даты, только порядковый номер!

А в эту минуту в том же Лос-Анджелесе к микрофону в местной радиостудии подходит другой человек. О как не похож он на тех, кто стоит в очереди перед дверями ночлежки! Сейчас в эфир полетит хвала капитализму, гимн частному предпринимательству, панегирик Америке. Потом полюбят трафаретные фразы о «стране неограниченных возможностей», о «стране всеобщего благосостояния», о «стране свободы», о «стране господ бога». Элитетам не будет ни конца, ни края.

Господин на втором фотографии не простой диктор. Он один из именитых людей штата Калифорния, один из известных людей в США. Его фамилия Коуртни, и он известен, потому что богат.

Мистер Коуртни не так богат, как нефтяной король Поль Гетти, который не без конкетства утверждает, что будто бы сам точно не знает, сколько у него денег: то ли 900 миллионов, то ли полтора миллиарда долларов. Не может соперничать Коуртни ни с Дномом Рокфеллером, у которого 500 миллионов долларов, ни с автомобильными магнатами Фордом и Доджем, состояние которых переваливает за 250 миллионов долларов.

Вспоминается одно не совсем обычное дело, которое разбиралось в нью-йоркском суде. Восьмидесятилетняя миссис Джеральдина Рокфеллер-Додж — родственница Рокфеллеров и Доджей — ассигновала 50 тысяч долларов в год на мясо для своих собак. Олечуны престарелой миссис Рокфеллер-Додж решили, что это уж слишком. Они подсчитали, что собак можно прокормить и за 14 тысяч долларов, если отказаться от мяса самого высшего качества. Но судья, выслушав олечунов, постановил: кормить собак отборными кусками мяса, ибо, сказал судья, 50 тысяч долларов в год по сравнению со всем состоянием миссис Рокфеллер-Додж — капля в океане.

Таково положение дел в «стране равных возможностей».

Я не знаю, о чем думал одинокий безымянный человек в очереди, когда его фотографировал репортер. Но я точно знаю, о чем вещает в микрофон именитый мистер Коуртни. Он воздает хвалу «стране всеобщего благосостояния».

МЯСНЫЕ АМЕРИКИ

И ВСЕ-ТАКИ ДРУЖЕСКИЕ...

Помню, на выставке книг, которая обычно представляет все или почти все творчество автора обсуждаемых произведений, на одной из инвентарных скамеек каким-то образом соборили моих юмористических рассказов, изданных в «Библиотеке Кронодаль» и воспе на адресованных детям. А в сборнике был, как полагаю, с дугообразной шпилькой. И вот одна девочка (девочки вообще на таких конференциях задают вопросы гораздо чаще мальчишек) спросила:

— Скажите, а почему шарик выкалывают «дружеским мячом»? Ведь вы тут так писали, что просто смешно...

Ответ мой, вероятно, был слишком элементарен, а может быть, и не совсем точен, но я сказал своей юной читательнице искренне то, что думал.

Помыслив, же, художник утрировал, подчеркнув с особой силой то выражение моего лица, которое, наверно, не очень приятно людям, как вы видите у них иронические отношения, улыбку. Художник «дружески поговорил» мне наметить выражение лица.

В «Дипломатическом» мы на каждом шагу встречаемся с полупрофессиональными прозаиками, журналистами, литераторами... Да, это всегда замечательно. Впрочем, ведь известно, что пародировать чаще всего тех, кто обладает самым стилем, своей манерой, чаше всего ведь и не узнает пародируемых, не сможет угадать их имен и фамилий. Другое де-



В. Аксентов

ло, хорош этот пародированный стиль или плох, но он должен быть ярко выраженным, индивидуальным, чтобы его можно было имитировать.

Пародии на авторов, которые активно несприятны пародистам, я бы скорее назвал литературными фельетонами. Таких произведений в сборнике почти нет, в большинстве своем это именно «дружеские пародии» в стихах и прозе.

Пародировать — это вовсе не значит подмечать лишь недостатки, просчеты, огрехи. Но пародия непременно должна подметить самое типичное для данного литератора (положительное или отрицательное). Дружески утрируя, это с а и о е и т и ч и о е и, и таким образом, является как бы формой острого, веселого рецензии.

На танк-то вод пародирований, устных и метких, и состоит сборник трех авторов. Неаром все они истинные критики.

Книгу укрывают оригинально выполненные художником Б. Шуваловым дружеские шаржи на тех, кто оказался в зоне «народного огня». Однако, если бы и не было этих метких портретов, не было бы иронии, не было бы фамилий, не было бы бесчисленно сказаний, о ком идет речь, в каждой пародии.

Анатолій АЛЕКСИН

1. «И в о в а я д л е я». Д. Даварев. Ст. Рассадин. В. Сарнов. Изд-во «Советская Россия».

Вахтангова, инноваторы. Но, конечно, удалось создать ансамбль. Помогли их увлеченность и мастерство. Кстати, в фильме зритель не увидит намисленного романа Ю. Семенова — советского разведчика Исаева — Штирлица. Его линия неактуальна, чем в романе, и операция группы Вихря, связанная с захватом немецкой ракета «Фау». Все события романа, конечно, вестись в фильме было нельзя. У инноваторов свои профессиональные законы, которые порой приводят в противоречие с литературными первоисточником. Поэтому некоторые сцены показались нам лишними, а другие, как в фильме, — нет. Ряд эпизодов для фильма автор романа и сценарий написал заранее. Даже фильм и рецензии вышли несколько раньше, чем в романе. Помните, в романе группа Вихря и польских патриотов спасают Кудов от уничтожения, а в фильме... Имя близко советские танки. Вот-вот наступит час свободы. А бездумные советские разведчики и их польские друзья из последних сил отбиваются от эсэсовцев. И гибнут Вихря и Анд. Тронимский и Саров... Но в фильме мы расстаетесь с ними в минуты сражения, и неизвестно, останутся ли они живыми. Путь истории из зрителей решат их судьбу по-своему. Нам же хочется рассказать о челокевичском подвиге, который не умирает.

РУССКИЙ СЦЕВОЛА

по своему величю подвигу легендарного рыцаря. На один из линк историко-наполняет «Ирландию» о Мудин Сцевола, что называли героя его был назван современниками «русским Сцеволой».

Во время Отечественной войны 1812 года в руки наполеоновских солдат попал один русский крестьянин. Когда ему наперу руку надели илеимо в виде бугны, он схватил топор и отсек оторванную руку. Этому героическому поступку простого крестьянина посвятил одно рисунку поэта Ивана Теребнева. На нем, помимо исполненного решимости крестьянина, энергично замахнувшегося топором, изображены два француза, которые бунально корчатся от изумления и ужаса. Из изомоденные лица, прорванные сапоги, дымят на штанах и выдвигают свистельствуют о том, что действие происходит во время бегства французской армии. Уродливые и карикатурные фигуры французов резко контрастируют с исполненной чужаки собственного достоинства фигурой русского героя.

Этот подвиг увековечен в скульптуре и в переносной статуе Василия Ивановича Демут-Малиновского, так называющейся «Русский Сцевола». Эту статую Демут-Малиновский выполнил в 1813 году, когда французские воины были уже изгнаны из России, но моровоярители (французские) еще шли у самых границ нашей родины.

Чтобы подчеркнуть героичность события, скульптор прибегает к традиционным приемам и изображает крестьянина полуобнаженным, как этнического героя. Но стоит взглянуть в лицо героя — курлово, штырлово в орелое выходящая волос, в его плотную, коренастую фигуру, резко отличающуюся по своим пропорциям от требований классицизма, — чтобы понять, что это не античный атлет, а именно русский крестьянин.

А. АРКАДЬЕВ

Парадия

Александр ИВАНОВ

Две картины

Римма Казакова

Трава, травища, травища зеленая! Дожди в тебе, дожди в тебе, дожди в тебе! Счастлив, кто не вынесу, Лозно свое, как тесто, вымесю. В одном тугле из-за имени вынесу. Ринулю бугну — во наугу! — выплуну. Читатели! Что же вынесите? Разнуз рот, оценят это действие...

Откуда взять, где наскрести мне мушкетера, Чтоб описать кукушню замушкетерил? Она с супругом и двух дет не промнила. В чужие гниды иль переломлю. Я подхожу от гнева свободной бугною, Я от недогаданая дене бугною. А в одночасье громкоую кукушню... Каяно позор на свете жить кукушню!



Б. Ахмадулина



Кадр из фильма «Мажор Вихрь». В центре — Вихрь (Артур В. Бергов)

ИМДА ПЛЫВЕТ И МАГЕЛАНОВЫ ОБЛАКА?

Ногда путешественник-северини пересекает экватор, по складку тропического небосвода наверху поднимаются два больших и ярких пятна. Это Магеллановы Облака.

Они знамениты тем, что у нашей Галактики нет более близких соседей во Вселенной, чем эти звездные острова. Всего лишь 150 тысяч световых лет — это расстояние, отделяющее их от нас. Будь у воображаемых магелланийцев сверхфантастической телескоп, они бы выдали сейчас свет самых первых костров человечества. И уже, конечно, им было бы ведомо, что сегодня люди высчитывают их путь во Вселенной. И открывают, что они и мы родились в одном и том же звездном доме. (Небольшая справка: наш звездный дом — Галактика — это диск диаметром примерно в 100 тысяч световых лет; в нашей Галактике около 150 миллиардов звезд.)

Интерес — это запад любого действия. Если у исследователя нет интереса к познанию, то попытку ответа на вопрос «почему?» «почему?» и «как?» он не исследователю. Чем же Магеллановы Облака так заинтересовали алама-тинского ученого, доктора физико-математических наук Г. М. Идаса? Тем, что эти весьма странные образования. Они похожи на самостоятельные галактики и в то же время непохожи. А бытность их к нашей Галактике — это случайно или нет? И почему подобные образования — а они нередко во Вселенной — практически всегда состоят из двух облаков?

Вопрос, как видим, из арсенала чистой любознательности. Спросить, однако, легко. Очевидно, искусство исследователя состоит еще в умениях так поставить вопрос природе, чтобы она сама подсказала ответ.

Как же был задан вопрос Магеллановым Облакам? Прежде всего из всех был выбран такой, на который при современном уровне знаний в принципе можно было получить ответ. Вот он: являются ли Магеллановы Облака образованием, совершенно независимым от нашей Галактики, или нет? Но это слишком общо, слишком неконкретно. Быстрее это выясним, имея предположение о характере орбиты Магеллановых Облаков. Тут, в свою очередь, необходимо знание параметров их движения.

Задача, даже в такой сужившей постановке, прямо сказать, гололопастная. Ведь Магеллановы Облака практически неподвижны на небе. Скорость их движения относительно земного наблюдателя настолько ничтожно мала, а расстояние до них настолько велико, что Магеллан (первый человек, обитавший на них вниманием) выдал их на том же самом месте, на каком выдал их и мы. Как изменить, куда движется тело, которое кажется неподвижным, как бы долго вы за ним ни следите!

Кстати, астрономом до сих пор не имеют ясното представления о галактических путях во Вселенной. Известно лишь, от нас или к нам движется та или иная галактика и с какой скоростью. Это можно определить по эффекту Доплера. (Если источник света приближается к нам, линии его спектра смещаются в фиолетовую область, если удаляется — в красную.) Но «вправо» или «влево», «быстро» или «медленно» направлен их помет, сказать затруднительно. Эта задача даже сложнее, чем вычислить, в каком направлении вылетает на долю тою, кто сегодня еще только сидит за школьной партой. (Отговорюсь, однако, что здесь, как и в дальнейшем, мы идем на известные упрощения, чтобы реальней стала ситуация и то же касается, с каким они были преодолены. Ведь для нас важно не только, что сделано, но и как сделано.)

Итак, все было бы совсем уж безнадежным, если бы... Да, если бы не близость к нам Магеллановых Облаков. Дело в том, что галактика, которую в телескоп видят рядом, шлет к нам практически параллельные лучи света. Попробуйте-ка точно вычислить расстояние между ними и по лучевым скоростям таже галактики узнать, какому движению быть их «видимое» движение на небесной сфере относительно друг друга. Не выйдет.

Но, то Магеллановы Облака. Свет, идущий от них, не параллельно из-за их относительной близости к нам. Следовательно, можно, используя школьную формулу, достаточно достоверно определить, разделяющее их расстояние.

Вот та иголка, которая сейчас позволяет развязать узелок. Известны расстояния, известны скорости удаления, известны массы облаков (тут есть свои способы определения). Узнать при каких взаимных скоростях оборнется связь между Облаками и они разойдутся, поможет формула та же самая Ньютона.

Во всех подобных образованиях Облаков всегда два. Но вправе ли мы предположить, что скорость отдаления их друг от друга не так велика, чтобы разошлись связь между ними? Вправе. Но если и тогда такого разрыва не наблюдается, значит, и в Магеллановых Облаках тоже. Вот и освободилась наша нить. Если раньше, строя параллелограммы скоростей Облаков, мы вправе были задавать им любые скорости и это делало задачу неопределенной, то теперь у нас есть некие крайние значения скоростей. Призовем на помощь опыт же школьные правила сложения векторов: у нас в руках порядок параметров движения Магеллановых Облаков, которых нам не хватало. Ничего, что они приблизительно: это достаточно, чтобы построить орбиту Облаков, близкую к истинной.

На деле все было, конечно, сложнее, одних школьных формул, разумеется, было мало, но иголка... выдала, куда она потянулась? Она легла поперек примерной орбиты Магеллановых Облаков. И эта орбита обвилась вокруг нашей Галактики! Выходит, не только у звезд и планет есть спутники...

Но этого мало. Орбита Магеллановых Облаков пересекала край нашей Галактики. Тут уж вопрос сам случался в дверь: а не являются ли Облака частью нашей Галактики?

Если это так (а исследователи предполагают, что это так), значит, в какой момент «як» некая галактика «сперек» подошла столь близко к нашей, что выхлестала из нее кусок. Миллионы звезд, гиттиские туманности оказались выброшенными в пространство, словно выхвачен из рук игрока футбольный мяч. Какая галактика, в какой момент совершила это?

Нарисовать ориентировочную гипотетическую орбиту галактики «як», которая бы удовлетворяла требованиям отрыва Магеллановых Облаков, не составляло особого труда. Оставалось устремиться по траектории этой орбиты, как по следу преступника, чтобы посмотреть, куда же она приведет. Она привела к галактике НЖК 55.

Но была ли эта искомая галактика «як» виновницей катастрофы? Казалось бы, ответа тут быть не может. Галактика ведь не автомобиль, водителя которого можно догнать со столкновением. Ничто, однако, не проходит бесследно — здесь нет никакой принципиальной разницы между столкновением автомобилей и вот так близким столкновением галактик. Взаимодействие должно было сказаться на ее внешнем облике. Ее должна отягачить как бы распухлость. И, главное, она обязана была приобрести весьма характерную закрученность.

Но когда эта цепочка рассуждений была закончена, никто не мог сказать, обладает ли галактика НЖК 55 такой закрученностью. Не было соответствующих наблюдений. Они появились позднее. И тогда в научной печати мелькнула короткая заметка о том, что гипотеза взаимодействия галактики НЖК 55 с нашей Галактикой подтвердилась.

Это столкновение произошло примерно четыре миллиарда лет назад. Четыре миллиарда лет назад в пространстве встретились две галактики. И в результате этой встречи часть нашей Вселенной неба — Магеллановы Облака — стала нашим спутником.

А ведь подобных облаков немало во Вселенной. Значит ли это, что столкновение галактик не редкость? Возможно. Но это не очевидно. Ничего из природных взаимодействий бесконечно. И распухают на лишь малая часть узелков. Кто знает, что потянется дальше.



Когда и учился в университете, мы проходили экономику, которую и терпеть не мог, но все же усуждался с охотой. Я отрывался на эти лекции сразу после лабораторных занятий по ботанике, что, к слову сказать, не способствовало усвоению ни того, ни другого. У меня от всего этого получалась в голове каша. Но не до такой степени, как у другого студента по фамилии Боленивнич. Тот приходил слушать экономику после физики.

В те годы университет штата Огайо располагал одной из лучших футбольных команд в стране. А Боленивнич был светлом командой. Чтобы иметь право участвовать в играх, он должен был не отставать в учебе — крайне трудная для него задача. Объяснялось это тем, что хотя он и не был глупее бая, но не был и умнее его.

Как правило, преподаватели отнеслись к нему снисходительно и вежливо помогали при опросах. Но никто так не пытался вытиснуть из Боленивнич, как профессор по экономике, титанический человек по фамилии Боссу.

Однажды, когда на семинаре обсуждался вопрос о транспортировке, стоимости перевозки и средствах передвижения, наступила очередь Боленивнич.

— Назовите нам какое-нибудь средство передвижения, — обратился к нему профессор.

Боленивнич сидел, вытаращив на него глаза.

— Иными словами, — продолжал профессор — любой вид транспорта, при посредстве которого мы переезжаем из одного места в другое.

У Боленивнич был вид человека, которого заволают в зоопарк.

— Можете выбрать перевозочное средство, приводимое в движение паром, конской тягой или электричеством. К примеру, возьмите самый распространенный транспорт,

Джеймс ТЕРБЕР

КАК ВАЖНО БЫТЬ СПОРТСМЕНОМ

Юмористический рассказ



Рисунок С. ТЕСЛЕРА

которым мы обычно пользуемся, когда отправляемся в длительные путешествия по стране.

В аудитория стояла необыкновенная тишина, от которой всем было не по себе, в том числе Боленивничу и мистру Боссу. Последний довольно странным образом резко оборвал эту тишину.

— Чух-чух-чух, — провизно он тихим голосом. Лицо его побаторовало. Он с надеждой посмотрел на студентов. Разумеется, все мы разделяли желание мистера Боссу, чтобы футболист Боленивнич не отстал от остальных в экономике: до матча в Иллинойсе, самой трудной и ответственной игры сезона, оставалась неделя.

— Чух-чух-чух! — зашумела чей-то низкий голос, и мы все оборачивание поглядели на Боленивнич. Кому-то еще удалось издать этот, напоминающий жуки парь, выпуская паровозом. Сам профессор залочил эту маленькую инсценировку, проментал: — Диг! Диг! Диг! Диг! — тогда как Боленивнич, весь красивый, сморщил лоб и, потирая свои огромные румчца, уставился в пространство, слякся попятить, чего от него хотят.

Профессор сделал новую попытку:

— Как вы кончал в этом году в университете, мистер Боленивнич?

— Меня отец послал, — отвечала наша знаменитость.

— Каким образом? — добивался профессор.

— Он дал мне денег, — медленно отвечал чемпион.

— Я не об этом спрашиваю, меня интересует, на каком транспорте вы сюда приехали.

— На поезде, — отвечал Боленивнич.

— Абсолютно правильно! — обрадовался профессор. — Очень хорошо, мистер Боленивнич. А теперь следующая. Мистер Купис, пожалуйста, скажите нам...

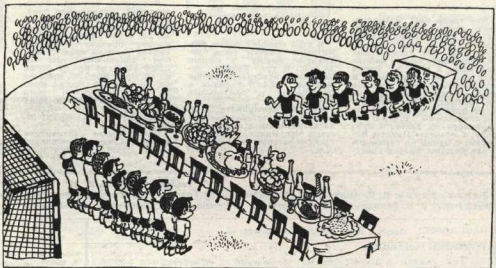
Перевод с английского П. ДЛУГОШЕНКО.



— ВЫ КТО ТАКОЕ?
— ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАЩИТНИК.

— ВОТ КАК НАДО ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ НА СВОЕМ ПЛЕИ!

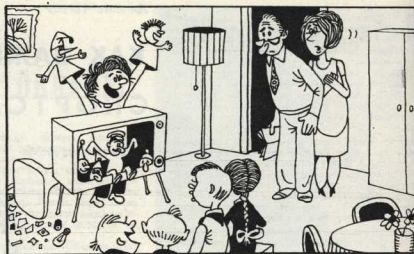
Рисунки В. ТИЛЬМАНА



5 МИНУТ НА ОДЗ МЫШЛЕ НИЕ

Вы видите три столбика чисел, а под ними — суммы. Суммы всегда одинаковы. Ваша задача — определить из каждого столбика четыре числа, а остальные два (три числа останутся тогда на месте) так, чтобы в первом столбике сумма была наименьшей, во втором — более, чем в первом, а в третьем — в четыре раза больше, чем в первом.

1	64	98	20
	81	41	34
	69	77	71
	11	56	19
	93	35	83
	15	13	97
	17	30	26
	<hr/>		
	350	350	350



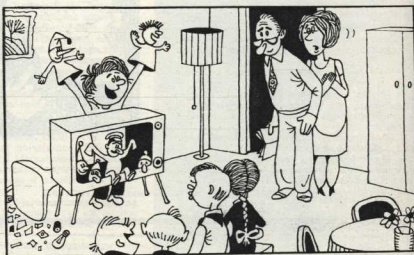
Найдите десять отличий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

Если один кирпич весит $\frac{1}{2}$ килограмма, половину $\frac{1}{4}$ килограмма, $\frac{1}{8}$ килограмма, полкилограмма и еще половину кирпича, то сколько весит два с половиной кирпича.



Некоторые цифры повторяются на рисунке два и больше раз. Какова сумма повторяющихся цифр?

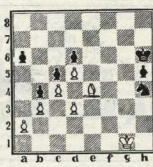


мастера Р. Холмова, он выиграл в ферзевом эндшпиле когда один из играющих должен ходить, но не имеет ни одного хода без того, чтобы не подставить своего короля под удар, а в то же время шах ему не объявлен. В практической игре патовые эндшпилы встречаются редко. Но бывает, что скрытую идею пата не замечает даже первоклассный шахматист. Случилось же такое, к примеру, с самим Паулем Кересом. В одном из турниров играя белыми против гросс-

мастера Р. Холмова, он выиграл в ферзевом эндшпиле когда один из играющих должен ходить, но не имеет ни одного хода без того, чтобы не подставить своего короля под удар, а в то же время шах ему не объявлен.

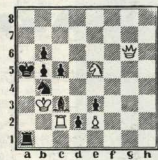


В этой позиции белые безответно повели свою прохвостую пешку в ферзи: 54. f4... И тут Холмов неожиданно блестящей репликой 54... f4! поразил и противника и зрительный зал. На 34-м чемпионате СССР любительная патовая концовка встретилась в партии мастера Ю. Николаевского с трюсмейстером М. Таймановым.



Игравший белыми Николаевский, предвкушая блистательную победу, занялся пешечными пробами в центре: 43. d4. И тут на помощь Тайманову пришла замаскированная патовая идея. По окончании закончился так: 43... Kрb5 44. С:с6 Kр:с6 45. dс dс 46. Kрq2 Kрq3 47. Kрb3 h4 48. с6 Kрb6 48. Kр:h4 Kрb6 50. Kрd5 Kр:д6 51. Kрb6 Kрс6 52. Kрb6 Kрb6 53. Kрd5 (кажется, что белы черны безразличны, но...) Kрa5!! 54. Kр:с5. Пат! Одно время составители этюдов даже соревновались между собой, стремясь пред-

ставить в одной композиции как можно больше патовых положений. Ярким примером такой неуемной авторской фантазии служит этюд известного советского мастера ереванца Г. Настиряна. В этом этюде содержится семь (!) различных патов.



Поднабьем вам лишь одно из решений: 1. Kсc1! Kрa6 (после 1... K:1с7 2. Ф:с6 над черными нависает угроза мата). 2. K:1с7с3 3. Лa2-L: a2 4. Kр: a2 d1Ф 5. Ф:1b6 1-0 Kр:b6 — пат. Шесть других патовых позиций попробуйте найти самостоятельно.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ «СМЕНА» № 8

- | | | |
|----|----|----|
| 24 | 55 | 20 |
| 29 | 33 | 37 |
| 46 | 11 | 42 |
- Нужно вписать число 33.

На первой странице обложки: Артикаста Фриха и кино Наталье Верлей. Фото М. МУРАЗОВА

ВОКРУГ ПАТА

«Что такое пат? Разновидность ничьей, позиция, когда один из играющих должен ходить, но не имеет ни одного хода без того, чтобы не подставить своего короля под удар, а в то же время шах ему не объявлен. В практической игре патовые эндшпилы встречаются редко. Но бывает, что скрытую идею пата не замечает даже первоклассный шахматист. Случилось же такое, к примеру, с самим Паулем Кересом. В одном из турниров играя белыми против гросс-

Главный редактор В. И. САМОХИН. Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Гамачев, А. Д. Горбунов [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:
Для справок: Д 3-30-87; отделе литературы и искусства — Д 1-32-84; очерки и публицистика — Д 1-05-31; международной жизни — Д 3-31-50; дискуссии и споры — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки — Д 1-04-10; фотоочерки и репортажи — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; фирменный — Д 0-29-39.

Художник-оформитель О. Телсер. Технический редактор Н. Вудкина.
А 00071. Подписано и печатано 14/IV — 1967 г. Формат бумаги 70x109%. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,8. Тираж 1 100 000. Изд. № 774. Заказ № 1057.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Оживленно

Просто, искренно

Грише

Для повторения

Для окончания

по-во-рог, а а смот-рю и жду,
 С лу-гов со-шли сне-га,
 и хруст-нул бе-лый лед, сле-да-ют
 дав-ли с краш и в лу-жах точ-ки ста-вят.
 А э реч-ке льди-ноч-ку ске-сло за-
 шей, чем с то-бой! // шей, чем с то-бой!

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
 Музыка Аркадия ОСТРОВСКОГО

С лугов сошли снега, и хрустнул белый лед,
 Слетают капли с крыши и в лужах точки ставят.
 А в речке льдиночку снеся за поворот,
 А я смотрю и жду, когда она растает.

Приге: Льдинка моя,
 В чьи ты плывешь край!
 Льдинка, постой,—
 Без тебя холодней, чем с тобой!

Я мимо пристани по обаямкму,
 И воробы кричат твою мне няю с веток.
 А ты, как льдиночка, ксиршься на мяю.
 А ты, как льдиночка, не грешь, хоть и светишь.

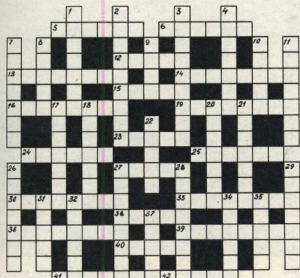
Приге в.

Вода зеленая — не видно в речке дна,
 Стою и чуда жду, как в доброй сказке старюй.
 А льдинка-льдиночка адали плывет ади,
 А я узнать хочу, когда она растает.

Приге в: Льдинка моя,
 В чьи ты плывешь край!
 Льдинка, постой,—
 Без тебя холодней, чем с тобой!

КРОССВОРД

Составил Б. ЛИХИЦНИЦА,
 г. Москва.



По горизонтали:

5. Нелегальное революционное собрание рабочих.
6. Спортивная игра.
12. Город во Франции, где на рабочих празднике был впервые исполнен «Интернационал».
13. Советский композитор.
14. Героиня французского народа, выдающаяся деятельница движения Сопротивления.
15. Фигура высшего пилотажа.
16. Артист эстрады.
19. Город в Краснодарском крае.
23. Спортивная борьба.
24. Художник, автор картины «Трубачи Первой Июной армии».
25. Песня композитора Г. Пономаренко.
27. Темно-красный минерал, слитый алмаз.
30. Аппарат для рыкания под водой.
33. Курорт в Эстонии.
36. Единица измерения электрического сопротивления.
38. Спортивное судно.
39. Балетмейстер, народный артист СССР.
48. Арочный проем в здании, застекленный или украшенный росписью.
41. Служба планеты Уран.
42. Пропавшая культура, керметло.

По вертикали:

1. Единственные физические упражнения.
2. Художественно оформленный кинематический фильм.
3. Певчество вокального исполнения.
4. Современный танец.
7. Лагерь для авиатористов.
8. Финский писатель-сатирик.
9. Зане в начале петного стаю.
10. Стиль плаваня.
11. Композитор, автор песни «Комсомольцы-добровольцы».
17. Курорт на Кавказе.
18. Сорт яблок.
- 20.

21. Выносея декоративное растение.
22. Певче, народный артист СССР.
26. Город в Турции.
27. Певче В. Шоу.
28. Композитор, лауреат премии Ленинского комсомола.
29. Лесная птица.
31. Немецкий композитор, автор музыки и певче В. Брэтта «Трехгрошовая операн».
32. Речка в Африке.
34. Весенний цвоток.
35. Нордальевы остров.
37. Ударный музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

3. Вализеры.
7. «Мать».
8. Титр.
10. Кабарга.
12. Белуга.
13. Уинстон.
15. Дриго.
21. Чешин.
23. Кетчеп.
23. Грейдер.
24. Валдае.
26. «Алдошю».
26. Вейс.
30. Цитата.
32. «Классик».
33. «Юдосю».
34. Чили.
35. Анио.
36. Волгоград.

По вертикали:

1. Кальва.
2. Вештау.
4. Казакш.
5. Валуиш.
6. Атрибуш.
9. Сибисюмюга.
11. Конфедерация.
14. Кочубей.
16. Гюетель.
17. Гондола.
18. Ольборг.
19. Ангар.
20. Эриат.
25. Алакшия.
27. Димитр.
29. Гюоюю.
31. Аинюв.
32. Кивалю.



КРАСКИ СПАРТАКИАДЫ

28 июля на Большой арене Лужников откроется IV Спартакиада народов СССР, посвященная 50-летию Великого Октября. Можно не сомневаться, что она принесет советскому спорту новые рекорды, откроет среди миллионов ее участников множество доселе еще неизвестных имен — спортивных «звезд» первой величины. Ждать осталось недолго — всего два месяца. Но о первом рекорде уже можно сказать. Его установило ведомство «Физкультура и спорт», выпустившее в рекордно короткие сроки миллионным тиражом 26 плакатов — своеобразных «визитных карточек» видов спорта, представленных на Спартакиаде. Познакомьтесь с некоторыми из этих плакатов и эмблемой Спартакиады — ее получат все участники соревнований.



Цена номера 20 коп.
Индекс 70820